

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-8>

УДК 332.01

JEL R10, R11, B41, B51

Ю. В. Тарануха

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Экономическая природа и содержание конкурентоспособности региона: нарративный подход¹

Аннотация. Конкурентоспособность региона – проблема, остающаяся дискуссионной на протяжении длительного времени. Значимость ее решения возрастает, так как конкурентоспособность все больше становится не только показателем достижений, но и инструментом оценки деятельности региональных властей. Важность правильного понимания содержания этого явления обусловливается также потребностью в правильном определении задач для региональной политики и инструментов для управления регионом. Цель статьи – раскрыть подлинную природу конкурентоспособности региона как одну из форм проявления конкурентоспособности, показав особенности ее содержания. Посредством контент-анализа зарубежных и отечественных источников по проблеме показана невозможность ее решения на основе существующих подходов и доказана необходимость применения принципиально иного подхода – с позиций борьбы за экономические выгоды. Благодаря системно-воспроизводственному методу анализа обосновывается положение о том, что по своей природе конкурентоспособность – это способность хозяйствующих субъектов перераспределять созданную в экономике ценность в свою пользу. Конкурентоспособность региона трактуется как одна из форм проявления конкурентоспособности, возникающая в связи с обретением регионами признаков хозяйственной субъектности – наличие обособленных материальных интересов, властных и распорядительных полномочий, возникающих в связи с превращением регионов в звенья развития производительных сил общества. Это порождает возникновение конкуренции между ними за привлечение инвестиционных ресурсов как фактора достижения региональных целей. Конкурентоспособность региона определяется как способность региона перераспределять инвестиционные потоки в свою пользу посредством создания более привлекательных условий и стимулов для их применения. Помимо адекватного отражения природы конкурентоспособности региона такая трактовка обладает рядом преимуществ, таких как синтетичность, устойчивость, гибкость и операциональность.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, регион, региональная экономика, конкурентное преимущество, конкурентоспособность региона, факторы конкурентоспособности региона, инвестиционная активность, индикатор конкурентоспособности региона

Для цитирования: Тарануха, Ю. В. (2024). Экономическая природа и содержание конкурентоспособности региона: нарративный подход. *Экономика региона*, 20(1), 106-134. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-8>

¹ © Тарануха Ю. В. Текст. 2024.

The Economic Nature and Essence of Regional Competitiveness: A Narrative Approach

Abstract. Regional competitiveness remains a debated issue. This problem requires a solution, as competitiveness is now seen not only as an indicator of achievement, but also as a tool for performance assessment of regional authorities. Additionally, a correct understanding of the essence of this phenomenon helps define objectives and tools of regional policy and management. The article aims to reveal the true nature of regional competitiveness as a form of competitiveness and describe its specific characteristics. The content analysis of relevant foreign and Russian publications shows that the stated problem cannot be solved by existing methods. Therefore, it is necessary to apply a fundamentally different approach that looks at the problem from the standpoint of struggle for economic benefits. A system-reproductive method of analysis demonstrated that, by its nature, competitiveness is the ability of economic entities to redistribute economic value in their favour. Regional competitiveness is interpreted as a form of competitiveness, occurring when regions acquire economic subjectivity. Such subjectivity is characterised by the presence of separate material interests, authority and regulatory powers resulting from the transformation of regions into elements of the productive forces of society. This creates competition between regions for investment resources necessary to achieve regional goals. Regional competitiveness is defined as the ability of a region to redistribute investment flows in its favour by creating an attractive environment and incentives for their application. The given interpretation, which adequately describes the nature of regional competitiveness, has a number of advantages, such as syntheticity, sustainability, flexibility and operability.

Keywords: competition, competitiveness, region, regional economy, competitive advantage, regional competitiveness, factors of regional competitiveness, investment activity, indicator of regional competitiveness

For citation: Taranukha, Y. V. (2024). The Economic Nature and Essence of Regional Competitiveness: A Narrative Approach. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(1), 106-134. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-8>

Введение

С тех пор, как понятие «конкурентоспособность» было введено в научный оборот (Porter, 1990), оно занимает одно из ведущих мест в экономической литературе. Такая популярность обусловлена не только дискуссионностью проблемы, но и тем, что конкурентоспособность стала инструментом оценки деятельности администраций различных уровней. Страх снижения или утраты конкурентоспособности становится предметом беспокойства, а ее укрепление рассматривается как главная цель в условиях глобализации экономики (Aiginger & Firgo, 2015).

Несмотря на незаконченные дебаты по определению содержания понятия «конкурентоспособность», ее теория продемонстрировала недюжинные экспансионистские способности, распространяясь «вширь и вглубь». Появившись как способ сравнения конкурентных потенциалов стран, она уже применяется ко всем уровням хозяйственной активности. Обыденным стало говорить о конкурентоспособности продукта и фирмы, отрасли и региона. Причем процесс выделения ее новых субъектов еще не закончился. Все чаще можно обнару-

жить указания на необходимость расширения перечня субъектов конкурентоспособности за счет макрорегионов (Татаркин, 2004), рыночных сегментов (Нечеухина и др., 2018), отраслевых секторов (Baláž & Bayer, 2019) и кластеров (Емельянов и др., 2020).

На рубеже тысячелетий особенно активно стал подниматься вопрос о конкурентоспособности регионов. На первый взгляд, такой поворот мог показаться странным, учитывая уже сложившееся к тому времени рейтингование межстрановой конкурентоспособности, а также зависимость состояния регионов от макроэкономической политики центральных властей. Но этому способствовали серьезные причины. С одной стороны, регионы стали рассматривать в качестве первичных единиц, генерирующих источники социально-экономического развития (Scott & Storper, 2003; Malecki, 2007; Grassia et al, 2022). С другой стороны, наметившиеся процессы регионализации экономики актуализировали вопросы управления ростом и повышением благосостояния на региональном уровне, переводя их из академической сферы в плоскость прикладной политики (Kitson et. al, 2004;

Rethinking..., 2003¹). Во многих странах были созданы советы по конкурентоспособности, которые должны были заниматься вопросами роста и развития, в том числе роста и развития регионов. Особенно активно эти идеи стали продвигаться в Европейском союзе после принятия лиссабонской «стратегии роста» (Kohler, 2006), поставившей целью устранить разрыв в уровне конкурентоспособности с США.

Особую остроту вопросу о конкурентоспособности региона придавали два обстоятельства. Причем одно из них действовало в пользу выделения конкурентоспособности региона в особую проблему из-за того, что, во-первых, регион превращается в средоточие движущих сил роста и развития, а, во-вторых, на региональном уровне проблема принимает междисциплинарный характер (Boschma, 2004; Kitson et al, 2004; Komarova et. al, 2014). Другое обстоятельство, напротив, работало против указанной идеи. Внимание обращалось на то, что, во-первых, не определен объект и цель конкуренции среди территорий, а во-вторых, у регионов отсутствуют рычаги управления конкурентоспособностью, которая зависит от макроэкономических обстоятельств. Но именно эта противоречивость вызвала столь активное изучение проблемы.

Однако несмотря на большое количество исследований, проблема региональной конкурентоспособности продолжает оставаться предметом активных споров, особенно в академической среде. Причем ее исследователи фиксируют отсутствие какого-либо прогресса в ее разрешении в период самого активного ее анализа (Bristow, 2010). Политики менее чувствительны к теоретическим разногласиям и используют конкурентоспособность региона как основу для сравнения территорий и для их позиционирования в масштабе страны (Grassia et. al, 2022). Между тем, проблема обостряется, а поиск путей ее решения становится все более актуальным. Причина не только в потребности определения драйверов территориального развития, но и в неравенстве регионов, усиливающемся в процессе глобализации. Это заставляет более пристально взглянуть на проблему и попытаться дать ей более четкое толкование.

Суть гипотезы, представленной в настоящей статье, состоит в том, что по своей экономической природе конкурентоспособность вообще, и конкурентоспособность региона в частности, является атрибутом сферы конкурентных отношений. Поэтому выделяя содер-

жание конкурентоспособности, ее следует рассматривать не в управленческом ключе, то есть с позиции выявления определяющих факторов и путей повышения их эффективности, как это имеет место чаще всего, а как явление, производное от конкурентного соперничества. Причем в той ее части, где она проявляет себя как борьба за перераспределение созданной ценности (стоимости). Этим обеспечивается не только методологическое единство анализа разных форм проявления конкурентоспособности на макро-, мезо – и микроуровне, но и их содержательное единство. Исходным пунктом анализа станет теоретическое наследие по проблеме с целью выделения причин нерешенных вопросов. Так как разномыслие в отношении региональной конкурентоспособности обусловлено отсутствием надежной теоретической базы (Huggins et. al, 2014), вторая часть статьи будет посвящена обоснованию общей методологии анализа конкурентоспособности как экономической категории. В третьей части будут раскрыты причины правомерности выделения конкурентоспособности региона как особой формы и дано ее определение. В заключении представлены краткие выводы и направления исследования нерешенных вопросов.

Теоретическое наследие изучения конкурентоспособности региона

Конкурентоспособность региона — проблема, имеющая обширное теоретическое наследие как в зарубежной (Scott & Storper, 2003; Kitson et al., 2004), так и в отечественной литературе (Polyakova et. al., 2019). Ее трактовки столь многочисленны и разнообразны, что создали реальную базу для типологии существующих подходов в качестве особой задачи. Правда, пока такие попытки обернулись всего лишь обобщением определений конкурентоспособности региона (Барабанов, 2014; Czyżewska, 2012; Неганова и др., 2021). Многочисленность трактовок региональной конкурентоспособности можно было бы легко объяснить многогранностью самой проблемы, которая может быть предметом анализа разных дисциплин. Не отрицая этой причины, мы все же полагаем, что главная причина того, что категория остается «неуловимым понятием» (Kitson et al., 2004), заключается в другом. Поэтому будет уместным дать обзор взглядов на проблему. Заодно проследим и эволюцию этих взглядов.

Хотя конкурентоспособность исследуется в рамках Мирового экономического форума с конца 70-х годов прошлого века, мы начнем

¹ Rethinking the Regions (2003). *Regional Studies*, 37(6/7)

свой анализ с трактовки конкурентоспособности М. Портера. Это обусловлено тем, что, во-первых, именно благодаря ему (Porter, 1990) проблема конкурентоспособности стала предметом активного исследования, а во-вторых, потому, что им была определена направленность и содержательность изучения этого явления. «Ромб конкурентоспособности» задавал параметры ее формирования, а сама она выражалась уровнем производительности труда. Даже П. Кругман, отрицая идею международной конкурентоспособности (Krugman, 1994, р. 30), полагал, что если конкурентоспособность имеет какой-либо смысл, то это просто другой способ сказать «производительность» (Krugman, 1990). А так как региональная конкурентоспособность опирается на производительность действующих в регионе фирм, то она эквивалентна показателям их производительности (Porter, 2003; Kohler, 2006). Это означало, что конкурентоспособность региона — показатель микроуровня экономики.

Однако было обращено внимание на то, что сочленение конкурентоспособности региона с производительностью порождает ряд новых проблем (Perrons, 2004). Во-первых, такая трактовка ставит в центр внимания рост, а не развитие региона. Во-вторых, нет оснований полагать, что интересы и цели фирм совпадают с целями региона, так как интересы региона всегда шире. В-третьих, указанный подход игнорирует роль внешних (национальных и глобальных) факторов, на которые регион влиять не может. Наконец, были высказаны сомнения в том, что конкурентные преимущества фирм автоматически будут трансформироваться в развитие региональной экономики, а рост их производительности обеспечит процветание региона (Huggins, 2003; Bristow, 2005). В дополнение к этому справедливо указывается на необходимость разграничения понятий «конкурентоспособность» и «эффективность», так как первое является более емким понятием, включающим в себя не только эффективность, но и взаимосвязи отношений микро- и макроуровня (Близнюк, 2018).

Позднее М. Портер признал значимость среды, правда, в духе «ромба конкурентоспособности»: условия спроса, условия факторов производства, контекст для соперничества финансовых предприятий, а также смежные и поддерживающие отрасли (Porter, 2003). Одним словом, регион будет конкурентоспособным если взаимодействие между компонентами «ромба» будут интенсивны, а деловая среда — благоприятной, что полностью

ложится в его теорию кластеров (Porter, 1998; Porter et. al, 2004). Но обосновано ли рассматривать регион аналогом кластера? Практика показывает, что совпадения чаще всего отсутствуют. Показательно и то, что в разработанном под руководством М. Портера для Всемирного Экономического форума (ВЭФ) индексе национальной конкурентоспособности последняя определяется как набор институтов, политик и факторов, определяющих уровень производительности страны (Schwab & Porter, 2007). Может создаться впечатление, что подход к региональной конкурентоспособности с позиций эффективного применения ресурсного потенциала можно считать пройденным этапом. В действительности такое ее понимание продолжает иметь широкое хождение в СМИ и особенно в сфере экономической политики, выражаясь в призывах к снижению заработной платы, налогов, социальных и экологических стандартов (Aiginger & Firgo, 2015).

Подход М. Портера к пониманию конкурентоспособности пользуется популярностью среди отечественных исследователей в том числе и тех, которые работают над проблемой региональной конкурентоспособности. Некоторые авторы прямо указывают ресурсный подход в качестве основы своего анализа (Нечеухина и др., 2018). Другие предпочитают опираться на «ромб конкурентоспособности», адаптируя его к региональному уровню. При этом все более популярным становится управленческий подход, выраженный в более (Емельянов, 2020) или менее (Барабанов, 2014) явном виде. Видимому, поэтому в отечественной литературе, посвященной конкурентоспособности региона, преобладают работы, относящиеся к методике оценки и путям ее повышения (Емельянов, 2020; Коковихин и др., 2018; Кононова & Циганов, 2017; Ощепков & Кузьмина, 2012).

Не менее традиционным можно назвать подход в духе абсолютного и относительного преимуществ, в котором конкурентоспособность региона сводилась к способности продавать. Однако этот взгляд имел существенное отличие от предыдущего в том, что оценивал конкурентоспособность не по потенциалу, а по результату (Delgado et al., 2012). В 90-е гг. XX в. данный подход был доминирующим в ОЭСР и в Европейской комиссии. В тот период конкурентоспособность было принято трактовать как «способность производить товары и услуги, которые отвечают требованиям международных рынков, и в то же время поддерживать высокий и устойчивый уровень

дохода или, в более общем смысле, способность (регионов) генерировать, будучи подверженными внешней конкуренции, относительно высокий доход и занятость» (European Commission, 1999, p. 4).

Со временем подход к конкурентоспособности региона с позиции результатов стал доминирующим. Вопрос состоял лишь в том, что следует взять в качестве отчетного показателя. Первоначально им был взят валовый региональный продукт (ВРП). Однако уже с конца 1990-х гг. прослеживается тенденция к определению конкурентоспособности в «способности достигать целей, превышающих ВРП», отражающей конкурентоспособность региона в широком смысле. «Сверхрезультатами» назывались качество институтов, уровень благосостояния, уровень здравоохранения, эффективность рынка труда и социальная интеграция, так как именно они определяют способность региона успешно конкурировать (Aiginger & Firgo, 2015). Интерпретация конкурентоспособности территории как способности генерировать высокие и растущие доходы и улучшать условия жизни жителей постепенно стала преобладающей. Такая трактовка вызвала поворот внимания в сторону менее материальных, так называемых мягких активов. Наряду с производственным потенциалом важными источниками конкурентоспособности региона стали рассматривать человеческий капитал, инновационный потенциал и устойчивость (Grassia et al., 2022).

Понимание конкурентоспособности региона как способности генерировать высокий растущий доход и улучшать средний уровень жизни жителей некоторые авторы считают системным (Meyer-Stamer, 2005), так как оно, в отличие от определения ВЭФ, сфокусированного на концепции производительности, базируется на выгодах для людей, живущих в регионе (Bristow, 2005). Оно получило широкое признание (Неганова и др., 2021). Закономерно стали уделять больше внимания роли институтов, инноваций и социокультурных вопросов. По мере распространения идей зеленой экономики в качестве показателя конкурентоспособности региона стали называть экологическую составляющую как неперенный элемент «итоговой конкурентоспособности», отсутствие которого среди показателей конкурентоспособности региона недопустимо (Aiginger & Firgo, 2015).

Не осталось незамеченным и подключение регионов к международной торговле. Этот фактор все чаще стал приниматься во внима-

ние, а региональную экономику стали рассматривать как часть мировой экономической системы (Доронкина, 2012). Как следствие, возникла идея выделения разных уровней региональной конкурентоспособности: внешнего, отражавшего «способность национальных производителей продавать товары и услуги на мировых рынках, и наличие в структуре экспорта достаточного количества товаров и услуг, обеспечивающих устойчивость платежного баланса страны» (Ясин & Яковлев, 2004, с. 6), а также внутреннего, отражавшего способность национального бизнеса конкурировать на внутреннем рынке «с импортом и другими отечественными товарами, обеспечивающими вместе с экспортом необходимый уровень занятости и доходов населения» (Ясин & Яковлев, 2004, с. 6).

В конечном итоге понятие конкурентоспособности региона стало настолько отягощенным разными признаками, что потребовало «оптимизации». Ее все чаще стали трактовать как «способность предлагать привлекательную и устойчивую среду для фирм и жителей» (Annoni & Dijkstra, 2013). Первое, что бросается в глаза, — это его размытость. Но важно другое — перенос акцента на социальные аспекты, в отличие от трактовок, где поддержание растущих стандартов жизни обуславливалось способностью создавать условия, позволяющие фирмам создавать добавленную стоимость (Begg, 1999; Huggins, 2003), или способностью региона привлекать и удерживать фирмы. При этом, во-первых, обращалось внимание на то, что следует различать привлекательность региона для проживания и для бизнеса (Шаститко, 2009). Действительно, благоприятная экологическая обстановка, например, привлекательна для граждан, но вряд ли столь же привлекательной она будет для бизнеса, требуя от него немалых затрат. Во-вторых, привлекательность трактовалась как желание размещаться и инвестировать (Kitson et al., 2004).

Что касается методологической стороны проблемы, то она изначально отличалась разнообразием подходов. Сторонники факторного подхода опирались на методы неоклассической теории. Приверженцы результативного подхода опирались на теорию возрастающей отдачи и теорию эндогенного роста, в которых регион рассматривается в качестве ключевого фактора роста и развития (Huggins et al., 2014). В последнее десятилетие все более ясно выраженной становится тенденция к эклектичному подходу при моделировании конкурентоспособности региона, который опира-

ется на методологическую эклектику, претендуя на создание объединительной концепции (Kitson et al., 2004; Garcia-Alvarez-Coque et al., 2020; Borozan, 2008).

Методологическое единство проявилось лишь в использовании уровневого подхода к исследованию рыночных явлений. Первоначально дело ограничивалось двумя уровнями — микроуровнем, который охватывал фирму, и макроуровнем, характеризовавшим проблему на уровне страны. Позднее стали выделять мезоуровень конкурентоспособности, отражавший проблему на уровне региона. Формально такой подход выглядел вполне логичным. Однако многие авторы обоснованно обратили внимание на его некорректность. Во-первых, региональная конкурентоспособность — это не совокупность микроконкурентоспособности и не производная от национальной КСП, она представляет собой более сложное явление (Cellino & Soci, 2002). Ее нельзя рассматривать и как пространственное разукрупнение макроконкурентоспособности (Aiginger & Firgo, 2015). Во-вторых, некоторые авторы полагают, что вообще опасно переносить концепцию конкурентоспособности, разработанную для национального уровня, на субнациональный уровень (Kitson et al., 2004). Поэтому хотя концепция региональной конкурентоспособности размещается в исследованиях между микроуровнем и макроуровнем, ее «не следует рассматривать ни как микроэкономическую, ни как макроэкономическую концепцию, а скорее следует понимать, что регион — это не просто совокупность предприятий, и он не представляет собой и уменьшенную версию национальной конкурентоспособности» (de la Vega et al., 2019). Главное заключается в том, что обоснованность выделения в экономике мезоуровня пока остается остродискуссионным вопросом (Тарануха, 2022).

Все солидарны в том, что конкурентоспособность региона не является производной ни от микро-, ни от макроконкурентоспособности, в силу того, что, с одной стороны, он преследует широкую палитру разнохарактерных целей, и в то же время, с другой стороны, не располагает тем инструментарием регулирования, который доступен национальным правительствам. На практике же прослеживается стремление учесть в определении конкурентоспособности региона все факторы, действующие как со стороны микроуровня — человеческий капитал, инновации и корпоративная ответственность, так и со стороны макроуровня — институциональные условия и инфраструктура. Наиболее явно это проявля-

ется в так называемых объединительных концепциях, которые сочетают в себе подход и со стороны факторов, и со стороны результата.

При сочетании обоих подходов в одном контексте, региональная конкурентоспособность определяется «как устойчивая способность региона конкурировать с другими регионами для обеспечения устойчивого экономического роста и развития, включая способность привлекать и удерживать производительный капитал и творческие таланты, а также быть инновационным в широком смысле этого слова» (Borozan, 2008). Или еще более размыто — как «способность экономической системы функционировать в динамической конкурентной среде, обладающей возможностью осуществлять присущие данной экономической системе бизнес-процессы с учетом отраслевых особенностей и степенью удовлетворения потребностей потребителей региона (территории) при соответствующем эффективном использовании всех факторов производства (средств и предметов труда, трудовых ресурсов), финансовом состоянии и уровне финансового риска» (Нечеухина и др., 2018). Такое определение оправдывают комплексностью самого понятия, включающего «характеристики субъекта на всех уровнях экономики» и предполагающего «наличие конкурентных преимуществ, а также возможность их реализации и последующего воспроизведения с целью обеспечения устойчивого развития и высокого уровня жизни населения» (Доронкина, 2012, с. 166).

Такое и ему подобные определения конкурентоспособности региона идут в русле принятого ВЭФ общего определения конкурентоспособности, которое фактически связывает микро- и макроуровень экономики (Dijkstra et al., 2011). Да и политические структуры в разных странах благоволят к нему, так как такое понимание конкурентоспособности позволяет относительно легко оценивать и сравнивать достижения, а также выделять проблемы. Однако сам факт, что конкурентоспособность региона включает составляющие разных уровней экономики: микроуровня — капитал, знания и инновации, и одновременно макроуровня — занятость и благосостояние, указывает на отсутствие у него целостности, а значит, порождает сомнения в самом его существовании. Неизбежно возникает размытость содержательной стороны конкурентоспособности региона, так как ее наполнение может быть совершенно разным: инвестиционная привлекательность, адаптивность к изменяющимся

социально-экономическим условиям, экономическая мощь, успех регионов в конкуренции с другими регионами или возможность создания новых условий для развития (Czyżewska, 2012).

Сложная конструкция такого определения неизбежно вызывает потребность в упрощении, которое находит выражение в трактовке региональной конкурентоспособности как способности к устойчивому социально-экономическому развитию, основанному на эффективном использовании ресурсов и с учетом долгосрочности развития объектов (Polyakova et al., 2019) или как способности регионов конкурировать друг с другом, как внутри страны, так и между странами (Huggins et al., 2014). Или, еще проще, — как умение опережать других в достижении поставленных целей (Huggins et al., 2014). Правда, так и остается нерешенным вопрос о наличии в структуре экономики самого мезоуровня. Поэтому, несмотря на многомерность природы конкурентоспособности региона, мы не можем согласиться с тем, что более «широкое» определение конкурентоспособности является более предпочтительным с научной точки зрения (Украинский, 2018). Преимущество ее широкомасштабного определения, судя по всему, виделось в том, что оно позволяло объединить все подходы к пониманию ее природы: 1) неоклассическую теорию, рассматривающую регионы как места специализации, 2) теорию возрастающей отдачи, рассматривающую регионы как источник возрастающей отдачи, и 3) теорию эндогенного роста, рассматривающую их в качестве центров генерации знаний и торговли (Garcia-Alvarez-Coque et al., 2020). Однако, на наш (и не только) взгляд, это лишь свидетельствует о недостаточной проработанности концепции конкурентоспособности с методологической точки зрения (Украинский, 2018).

Данные проведенного библиометрического анализа современной тематики исследований региональной конкурентоспособности (Grassia et al., 2022) добавляют уверенности в справедливости такого вывода. Они также подтверждают, что различия в понимании конкурентоспособности региона сохраняются, проявляясь в предпочтениях исследователей к разным ее интерпретациям — экономической или социально-экономической. Сохраняется и географическая дихотомия в трактовках. В отличие от европейских авторов, акцентирующих внимание на социальных аспектах, неевропейские авторы в большей степени привержены та-

ким аспектам, как инвестиции, инновации и производительность.

Что касается тематики исследований региональной конкурентоспособности, то она фокусируется на анализе региональной среды. При этом выделяются три основных группы тем:

- 1) макроэкономические условия (институты, инфраструктура, градостроительство);
- 2) экономическая экосистема региона (бизнес, промышленность, туризм, сельское хозяйство, рынок труда, технологическое развитие, корпоративная социальная ответственность);
- 3) человеческий капитал (образование) (Grassia et al., 2022).

Это означает, что за последние почти двадцать лет структура исследований региональной конкурентоспособности осталась прежней (Martin, 2005). Но есть и некоторые отличия. Среди факторов роста конкурентоспособности региона все чаще указывается интеллектуальный капитал (Audretsch et al., 2012; Januškaite & Užiene, 2018), что отвечает выводам исследования еще 2007 г., которое выявило определяющую роль человеческого капитала в конкурентоспособности региона (OECD, 2007), что обусловлено его влиянием на рост производительности труда и технического прогресса (Annoni & Weziak-Bialowolska, 2016). В связи с этим устойчиво растет число исследований, посвященных роли университетов и их предпринимательской деятельности в деле обеспечения конкурентоспособности регионов, что согласуется с идеей о Европе как обществе, основанном на знаниях (Archibugi & Cocco, 2005; Carayannis et al., 2012).

Все явственнее проявляется усиление роли этически ориентированных практик (Aiginger & Vogel, 2015), а наличие корпоративной социальной ответственности рассматривается как мощный фактор конкурентоспособности, особенно при слабой инновационной активности (Boulouta & Pitelis, 2014). Удивление вызвало отсутствие в исследованиях тематики, касающейся здравоохранения, которое считается базовым для роста конкурентоспособности региона и способным снижать социально-экономическое неравенство и повышать благосостояние населения, проживающего в разных регионах (Grassia et al., 2022). Как отмечается в этом же исследовании, растет интерес к вопросам конкурентоспособности стран Юго-Восточной Азии, в частности Китая. При этом особое внимание уделяется влиянию на конкурентоспособность региона международной торговли и в этой связи обеспече-

Таблица

Сравнительная характеристика существующих подходов к анализу конкурентоспособности региона

Параметрические характеристики	Ресурсный (факторный) подход	Управленческий подход		Социально ориентированный подход	Глобальный подход
		Со стороны источника	Со стороны результата		
Направленность анализа	Со стороны источников	Со стороны результата		С учетом источников и результатов	
Целевая функция	Определение условий, обеспечивающих высокую производительность факторов производства	Оценка региональной конкурентоспособности и пути ее повышения		Формирование источников генерации знаний	Создание источников повышения глобальной конкурентоспособности региона
Содержание	Набор институтов и политик, определяющих уровень производительности	Способность продавать	Способность производить товары, отвечающие мировым стандартам	Свойства, определяющие конкурентные преимущества, которые обеспечивают устойчивый рост и рост доходов населения региона	Способность производить на экспорт и противостоять импорту
Методология	Неоклассическая теория	Теория эндогенного роста; Теория возрастающей отдачи		Эклектика (объединительная концепция)	Эклектика
Источник	Благоприятная среда (ромб конкурентоспособности)	Человеческий капитал, инновации, устойчивость развития	Человеческий капитал, институты, корпоративная ответственность	Привлекательная среда для инвестиций, корпоративная ответственность	Благоприятная среда
Показатели оценки	Производительность, инвестиционная и инновационная активность	Валовой региональный продукт, развитие рынка труда и системы здравоохранения	Высокий уровень доходов и занятости населения	Уровень занятости, уровень жизни населения, экологическая устойчивость	Степень включенности региона в международную торговлю, доля предприятий региона, работающих на экспорт
Распространение	США	Европа	Европа	Европа	Европа
Временные рамки	С 60-х годов XX века	С 90-х годов XX в.		На рубеже тысячелетий	С начала 2000 гг.
Источники/ Авторы	Porter, 2003; Kohler, 2006; Huggins et al, 2014; Нечухина, 2018; Емельянов, 2020; Кокотовихин и др., 2018; Кононова, Циганов, 2017	European..., 1999; OECD, 2007; Delgado et al., 2012; Audretsch et al., 2012; Januškaite & Užiene, 2018	Bristow, 2005; Meyer-Stameter, 2005; Aiginger & Firgo, 2015; Boulouta & Pitelis, 2014; Неганова и др., 2021	Kitson et al, 2004; Archibugi & Cocco, 2005; Borozan, 2008; Carayannis et al., 2012; Garcia-Alvarez-Coque et al, 2020	Begg, 1999; Huggins, 2003; Kitson et al., 2004; Annoni, P., & Dijkstra, 2013; Ясин, Яковлев, 2004; Шаститко, 2009; Доронкина, 2012

Источник: составлено автором

нию благоприятных условий для экспорта товаров, произведенных в регионе, который считают ключевым источником регионального развития.

Резюмируя анализ, дадим систематизацию в виде таблицы. Как и всякая другая систематизация, она допускает определенные упрощения, так как часто весьма сложно не только провести четкое разграничение подходов, но и указать отличительные характеристики каждого из них из-за существующих между ними пересечений и заимствований. Тем не менее она обладает тем достоинством, что наглядно демонстрирует эволюционную направленность взглядов на проблему конкурентоспособности региона, которая состоит в усилении интереса к социальной составляющей.

Методологические основы исследования конкурентоспособности

К теории конкурентоспособности региона предъявляются две серьезные претензии. Первая и главная связана с сомнениями в обоснованности выделения региональной конкурентоспособности. С одной стороны, это следствие сомнений в правомерности выделения конкурентоспособности вообще (Krugman, 1994; Cellino & Soci, 2002), а с другой — сомнения в существовании конкуренции между регионами (Boschma, 2004; European Commission, 1999; Bristow, 2005; Aiginger & Firgo, 2015). Вторая претензия связана с расплывчатостью концепции конкурентоспособности, которая опирается на микро- и макроэкономические аспекты, а ее определение соединяет в себе ресурсные и результирующие характеристики одновременно.

Причиной этого может служить многогранность явления, которое можно рассматривать в зависимости от предметной области и характера вовлеченных субъектов (Aiginger, 2006; Thyroff & Kilbourne, 2018). Это допустимо. Но в нашем случае главная причина не в этом, а в игнорировании природы явления и в ошибочности выбора методологического подхода к его анализу. Именно в этом, на наш взгляд, заключается научный пробел существующих подходов к анализу конкурентоспособности. Все они фокусируются либо на выявлении источников, либо на поиске путей ее повышения. Учитывая эволюционный характер среды (технологии, рынка, конкуренции, целей общества), в которой формируется конкурентоспособность, приоритетность в отношении источников преимуществ и путей повышения их эффективности будет постоянно меняться.

Как следствие, будут меняться и трактовки конкурентоспособности, что вряд ли отвечает требованиям неизменности свойств, конституирующих определенность явления. Чтобы не допустить скатывания к этим ошибкам, мы будем опираться на два принципа. Первый — конкурентоспособность рассматривается исключительно с позиций экономической теории. Второй принцип анализа есть признание того, что конкурентоспособность — атрибут конкуренции, бытие которого продиктовано не различием в ресурсах и достижениях, а спецификой породивших ее отношений. Из этого следует, что мы имеем дело с одной из форм отражения конкурентной борьбы. Следовательно, применяемая методология должна отвечать природе исследуемого явления. Имеет значение и порядок анализа. Нам представляется достаточно очевидным наличие непосредственной связи между такими явлениями, как конкурентоспособность и конкурентоспособность региона. Поэтому правильная трактовка конкурентоспособности региона, в каком бы качестве и с каких бы позиций она не исследовалась, может быть дана только через раскрытие конкурентоспособности как базовой категории. Соответственно, логически правильным будет показать природу конкурентоспособности вообще. Опираясь на это, докажем обоснованность выделения ее региональной формы, возникающей, по нашему мнению, на определенном этапе развития экономики. А затем раскроем ее содержание и сущность.

Суть гипотезы, представленной в настоящей статье, состоит в том, что по своей экономической природе конкурентоспособности вообще, и региона в частности, является атрибутом сферы конкурентных отношений. Поэтому выделяя содержание конкурентоспособности, ее следует рассматривать не в управленческом ключе, то есть с позиции выявления определяющих факторов и путей повышения их эффективности, как это имеет место чаще всего, а как явление, производное от конкурентного соперничества. Причем в той ее части, где она проявляет себя как борьба за перераспределение созданной ценности (стоимости). Этим обеспечивается не только методологическое единство анализа разных форм проявления конкурентоспособности на макро-, мезо- и микроуровне, но и их содержательное единство. Исходным пунктом анализа станет теоретическое наследие по проблеме с целью выделения причин нерешенных вопросов. Так как разномыслие в отношении региональной конкурентоспособности обуслов-

лено отсутствием надежной теоретической базы (Huggins et. al, 2014), во второй части статьи мы дадим обоснование той методологии анализа, которая позволит раскрыть содержание конкурентоспособности как экономического явления. В третьей части мы обратимся к вопросу об обоснованности выделения конкурентоспособности региона как особой проблемы, вскроем причины, вызвавшие ее возникновение, и раскроем ее содержание как одной из форм проявления конкурентоспособности. В заключении будут даны краткие выводы и обозначены основные нерешенные вопросы.

Хотя в статье автор опирается на анализ широкого круга зарубежных и отечественных источников по исследуемой проблеме, он не ставит своей целью дать аналитический обзор наследия, связанного с проблемой «конкурентоспособность региона». Здесь анализ литературы выступает в качестве метода содержательного контент-анализа, применяемого, с одной стороны, чтобы, продемонстрировав нерешенность проблемы из-за отсутствия единства в трактовке проблемы, обосновать актуальность дальнейшего ее исследования, а с другой — для обоснования необходимости применения принципиально иного подхода к решению вопроса о природе конкурентоспособности региона. Поэтому в этой части методология опирается на неструктурированный поиск и анализ источников. Автор стремился задействовать наиболее важные источники, отражающие ступени развития теоретической мысли по исследуемой проблеме, не претендуя, однако, на полноту перечня этих источников и оценку их значимости. Главная задача статьи состоит не в том, чтобы прорецензировать имеющееся теоретическое наследие по проблеме, а в том, чтобы найти способ ее решения. Учитывая это обстоятельство и теоретическую направленность исследования, мы будем использовать общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного подхода.

Методологическую базу нашего анализа составляет диалектический материализм как системно-воспроизводственный способ изучения становления и развития экономических явлений и процессов. При этом, учитывая поставленную цель — обоснование природы и содержания, в качестве исследовательских инструментов нам будут служить четыре ключевых принципа (Тарануха, 2011). Первый заключается в том, что для нас любое экономическое явление — форма экономических отношений между хозяйствующими субъектами. Поэтому

в рыночной экономике природа любого экономического явления может быть понята только с позиций борьбы этих интересов, то есть конкуренции. Именно это позволяет нам определить подлинную природу конкурентоспособности. Кроме того, такое понимание конкуренции существенно раздвигает рамки конкурентного пространства, указывая на возможность существования разных форм конкурентоспособности. Второй ключевой принцип анализа — принцип историзма, в соответствии с которым подлинная природа явления может быть вскрыта только сквозь призму его эволюции. Поэтому оно изначально должно рассматриваться как эволюционирующее, изменяющее свое содержание и форму проявления. Этот принцип позволяет нам обосновать исторический характер таких явлений, как экономический регион и региональная конкурентоспособность, возникающих только на определенном этапе развития хозяйства. Третий принцип — принцип материалистического понимания природы развития социально-экономических явлений, согласно которому характер экономических отношений и происходящих в них изменений являются следствием перемен в материальных условиях производства. Он служит нам базой для понимания генезиса и содержания региона как особого экономического субъекта. Четвертый принцип — диалектический метод познания. Главным достоинством этого метода является то, что он позволяет исследовать явления в их непрерывном движении и возобновлении, т. е. в процессе их воспроизводства, что дает возможность вскрыть существенные признаки явления, а также выявить закономерности его развития и вызываемые этим последствия. Применение такого подхода к анализу конкурентоспособности позволяет нам прийти к выводу, что в рыночной экономике борьба за конкурентоспособность есть внутреннее свойство и способ соперничества за источник роста — вновь созданную стоимость. Рассматриваемый в воспроизводственном аспекте этот процесс демонстрирует присущую ему двойственность, состоящую в том, что результат конкурентного соперничества, с одной стороны, обеспечивает возобновление предпосылок, а с другой — обуславливает неизбежное изменение условий соперничества на каждом новом витке воспроизводства. Рассматривая этот процесс в виде непрерывно повторяющегося, нетрудно прийти к выводу, что воспроизводственные условия для региона — это соперничество за инвестиции. При этом определяющим обстоятельством в понима-

нии природы и развития конкурентоспособности вообще, и региональной в частности, является осознание того, что развитие явлений есть следствие разрешения заключенных в них внутренних противоречий.

Сравнительно-оценочная природа исследуемого явления затрудняет применение как качественных, так и количественных методов анализа. Качественные методы (опросы и оценки) для решения поставленных задач не могут быть применены ввиду субъективизма результатов. Применение количественных методов также затруднено, с одной стороны, методологически – достигнутый результат не может характеризовать конкурентоспособность как способность, с другой стороны, технически вследствие трудностей установления функциональной зависимости между достигнутой конкурентоспособностью и обусловившими ее факторами. Хотя косвенно они могут быть использованы в качестве подтверждения нашей гипотезы о содержании конкурентоспособности региона путем наблюдения за связью между динамикой инвестиций и динамикой экономических достижений. Поэтому основополагающими приемами нашего исследования будут стандартные для такого рода исследований инструменты, такие как индукция и дедукция, анализ и синтез. Они не располагают такими доказательными способностями, как, например, математические модели. Однако нам представляется, что они позволяют достичь тех целей, которые ставит перед исследователем потребность в раскрытии природы и содержания такого экономического явления, как конкурентоспособность.

Рыночная конкуренция – явление эволюционирующее. Соответственно, и конкурентоспособность в любой ее форме должна обладать этим же свойством. А для исследования явлений, природа которых связана с качественными трансформациями, наиболее подходящим методом анализа является материалистическая диалектика, так как именно он позволяет глубоко и точно показать генезис явления, его содержание, сущность и формы существования. Его достоинство усиливается присущими ему системностью и признанием эндогенности развития. Но системность подхода состоит не только в признании региональной экономики частью мировой экономики (Доронкина, 2012) (тем более, что это требует доказательств). Системность указывает на то, что конкурентоспособность необходимо исследовать как элемент системы, вне которой он не имеет смысла. Это означает, что со-

держание и сущность конкурентоспособности следует выводить из природы конкурентных отношений. Одновременно системность требует понимания явления как системы, предполагающей единство содержания, сущности и формы. Содержание отражает совокупность элементов, сторон и процессов, составляющих данное явление. Оно – отражение содержательного многообразия явления. Сущность – это внутренний, обычно скрытый, но устойчивый признак явления, определяющий его бытие и источники развития. Оно – отражение субстанции, без которой явление не существует. Это дает возможность выявить формы существования конкурентоспособности в конкретно-исторических условиях, а также показать процесс ее эволюции от простых форм к более сложным (Тарануха, 2013).

Эндогенность как принцип развития – важнейшая часть материалистической диалектики. Источники развития явления – заключенные в нем самом противоречия. Эволюция явления – результат разрешения этих противоречия. Для нас наиболее существенным является то, что это помогает понять, прежде всего, почему изменяются формы существования явления, и, во-вторых, что генерирует новые его формы. Именно это будет использовано нами в качестве принципа для обоснования конкурентоспособности региона.

С тех пор, как понятие «конкурентоспособность» было введено в научный оборот (Porter, 1990), его содержание так и остается неопределенным. Обзор трактовок конкурентоспособности можно обнаружить в (Cho & Moon, 2000), где они рассмотрены в эволюционном контексте. Разночтения в понимании конкурентоспособности характерны и для представителей отечественного научного сообщества (Гончар & Кузнецов, 2008). Сторонники неоклассики связывают конкурентоспособность со способностью реализовать продукцию по рыночным ценам и с нормальной прибылью (Ясин & Яковлев, 2004). Адепты институционального подхода видят в ней способность выживать за счет лучших институтов (Шаститко, 2009). Сторонники эволюционной теории подразумевают под конкурентоспособностью способность фирм приспосабливаться к переменам в конкурентной среде. Наиболее распространенная трактовка КСП под ней подразумевается способность управлять ресурсами (Фатхутдинов, 2004)¹.

¹ Фатхутдинов, Р. А. (2004). Управление конкурентоспособностью организации. Учебник. Москва: ЭКСМО, 541.

Мы не можем принять ни одну из них. Во-первых, практически во всех их конкурентоспособность не связывается с конкуренцией, что нелогично (Шаститко, 2009). Во-вторых, в каждой из них способность конкурировать подменяется признаками, определяющими эту способность. В-третьих, все они характеризуют внутренне присущий конкурентам потенциал, в то время как конкурентоспособность, напротив, представляет собой свойство, реализующее себя вовне — в процессе борьбы с соперниками. Причина этого — превалирование прагматизма, то есть позиция удобства решения задач конкурентной политики. В результате трактовка содержания конкурентоспособности оказывается под влиянием той предметной области, в которой анализируется проблема: товароведческой, поведенческой, маркетинговой, управленческой и т. п. В действительности должно существовать какое-то универсальное понимание конкурентоспособности, отражающее ее сущностные признаки. Без этого она превратится в набор свойств, которые будут модифицироваться в зависимости от времени и места.

Все авторы едины в одном, «способность» — ключевой элемент конкурентоспособности. Расхождения касаются наполнения этой способности. Самая распространенная интерпретация — указание на способность что-то достигать: обеспечивать устойчивый рост или уровень благосостояния населения. Дело, однако, в том, что для такого подхода характерен логический изъян — способность определяется ее результатом. Но задача, как раз, в том и состоит, чтобы выявить причину, обеспечившую этот результат. Поэтому признаки субъекта, указывающие на его превосходство над соперниками, не могут быть приняты в качестве содержательного наполнения конкурентной способности. Например, что обеспечивает победу в беге? Скорость или выносливость? А может быть, правильно избранная стратегия бега? А может, все зависит от обстоятельств — короткая или длинная дистанция? Требуется выделение совокупности способностей. Видимо, поэтому определение конкурентоспособности дополняется все новыми и новыми признаками.

Решение этого вопроса требует учета генезиса конкурентоспособности, который может быть понят только при анализе конкурентоспособности сквозь призму рыночных отношений. На рынке суть соперничества сводится к перераспределению материальных выгод. Поэтому конкурентоспособность — ка-

тегория, отражающая отношения борьбы за материальные интересы. Проблема становится понятной, если мы зададимся простым вопросом: зачем нужна конкурентоспособность субъектам рыночных отношений? Если только для того, чтобы превзойти соперников, то такой ответ подходит для характеристики содержания спортивного состязания. Однако он не годится для характеристики конкурентной борьбы, так как не отвечает ее природе, которая предусматривает неизбежность отрицательной селекции среди соперников. В конкуренции реализуется тип соперничества, при котором стремление к ограничению возможностей конкурентов к выживанию и развитию есть определяющий принцип поведения соперников. Поэтому конкурентоспособность — это не что иное, как способность ограничивать указанные возможности соперников. Следовательно, ее смысл не в том, что один конкурент занимает преимущественное положение по отношению к другому, как полагают некоторые авторы (Шаститко, 2009), а в том, что преимущественное положение одного препятствует реализации возможностей другого (Тарануха, 2013). Именно при таком понимании конкурентоспособности «способность» обретает содержательную отчетливость и перестает зависеть от обстоятельств времени и места. В свою очередь, это объясняет значение конкурентоспособности как сопоставительного признака, дающего возможность ранжировать соперников по степени их способности навязывать свою волю соперникам и синхронно противостоять чужой воле.

Чтобы вскрыть содержательную сторону этой способности, ее необходимо рассмотреть с позиций объекта, вокруг которого разворачивается конкурентная борьба. Явно это не экономический рост и не благосостояние населения. Для продавцов единственным мотивом для вступления в рыночные отношения может быть только количественное приращение стоимости. Поэтому невидимый, но подлинный объект соперничества — это созданная стоимость (на рынке, в стране, в мире), а само оно — процесс борьбы за ее распределение. Логика подсказывает, что превосходство над соперниками — это способность перераспределять в свою пользу стоимость, созданную всеми участниками рынка. В этой связи трактовка конкурентоспособности, в которой такая способность рассматривается в качестве ее сущностной характеристики (Тарануха, 2013), нам представляется наиболее обоснованной.

Указанная трактовка конкурентоспособности имеет целый ряд достоинств. Во-первых, в ней конкурентоспособность квалифицируется как экономическая категория, а в фокусе оказывается экономическая определенность ее содержания — соперничество экономических интересов. Во-вторых, в ней целевая функция конкурентоспособности выражена не в виде целевого показателя, а в качестве мотива, принуждающего к участию в конкурентной борьбе. В-третьих, такая трактовка соответствует природе конкуренции и раскрывает содержательную сторону стремления к повышению конкурентоспособности. В-четвертых, дает оценку витального потенциала соперников. В-пятых, такая трактовка позволяет устранить проблему сопоставимости оценок конкурентоспособности. Наконец, она позволяет ответить на вопросы, на которые альтернативные трактовки дать ответа не могут. Должна ли конкурентоспособность определяться на основе сравнения потенциалов только реальных или и потенциальных соперников? Быть конкурентоспособным — значит превосходить всех существующих конкурентов или достаточно быть лучше самого слабого? (Гончар & Кузнецов, 2004, с. 43). Предлагаемая нами трактовка дает четко определенный ответ: конкурентоспособность может определяться только в том случае, когда имеет место перераспределение стоимости, и только в отношении тех субъектов, которые затронуты этим перераспределением, а конкурентоспособным является хозяйствующий субъект, присваивающий величину стоимости, которая превышает созданную им.

Как действует такой механизм перераспределения, показал К. Маркс в своей теории средней прибыли и цены производства (Маркс, 1961). Если говорить вкратце, то его суть состоит в том, что различия в производительности вызывают различия в величине создан-

ных рыночными субъектами стоимостей. В результате внутриотраслевой конкуренции индивидуальные стоимости трансформируются в единую рыночную цену, которая под воздействием межотраслевой конкуренции трансформируется в цену производства, становящейся базой для формирования равновесной рыночной цены. Фирмы, включаясь в соперничество с разной величиной созданной стоимости, в результате конкуренции получают равновеликое вознаграждение на равновеликий капитал. Те, у которых индивидуальная стоимость продукта ниже равновесной цены, получают чистый выигрыш в виде дополнительной прибыли. Те, у кого стоимость выше равновесной цены, потеряют часть созданной стоимости, которая трансформируется в дополнительный доход более производительных соперников. Причем конкурентный механизм всегда работает в интересах более конкурентоспособных соперников, а его перераспределительная функция действует тем активнее, чем больше разница в уровне конкурентоспособности соперников. По факту конкурентоспособность означает способность создавать большую добавленную стоимость на единицу затрат. Неслучайно ее создание принимается в качестве важнейшего компонента конкурентоспособности в одном из популярных рейтингов страновой конкурентоспособности — рейтинге IDM (Garelli, 2011).

Действие указанного механизма представлено на рисунке. Предположим, фирмы А и В создают равновеликие стоимости в 150 единиц, которые отражены на рисунках «б» и «в» затемненными прямоугольниками. В случае производства фирмой А за то же время 30 единиц продукции против 25, выпущенных фирмой В, стоимость единицы продукции у фирмы А будет равна 5, а у фирмы В — 6. На части «а» рисунка показано, что для рыночного спроса D рыночная цена (P^*) сформируется на уровне

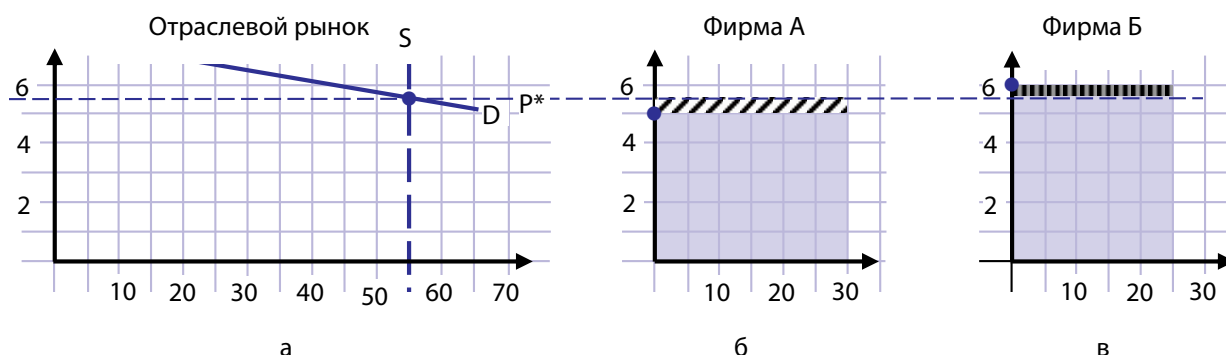

Рис. Механизм перераспределения созданной индивидуальной стоимости в процессе конкуренции (источник: (Тарануха, 2013, с 3, 12))

5,5 единиц за единицу продукта. Как следствие, фирма В теряет часть созданной ею стоимости, величина которой отражена на части «в» рисунка площадью вертикально заштрихованного прямоугольника. Величина стоимости, полученная фирмой А, будет больше созданной на величину, отраженную на части рисунка «б» площадью прямоугольника, заштрихованного наклонными линиями. Произшедшее перераспределение — непосредственное следствие большей конкурентоспособности.

Способность перераспределять созданную участниками хозяйственных отношений стоимость в свою пользу — это сущностный признак конкурентоспособности. Следовательно, такое ее определение можно считать полным, но не исчерпывающим. Дело в том, что в нем не представлен механизм реализации указанной способности. Для этого необходимо обратиться к содержанию явления, которое включает в себя не только главное, но и второстепенное, не только существенные, но и отличительные качества явления, которые отражают, в частности, и способы, посредством которых реализует себя данная сущность. Но сведение содержания явления к любому из его свойств или их совокупности — ошибка и тавтология. Поэтому свойства конкурентоспособности нельзя принять в качестве определяющих характеристик. Но как бы то ни было, во всех случаях содержательная сторона конкурентоспособности связывается с источниками, факторами и стимулами (Шаститко, 2009), которые позволяют выстоять в конкуренции и превзойти конкурентов. Если учесть, что конкурентоспособность связана со способностью создавать большую добавленную стоимость на единицу затрат, то суть результативности причин, определяющих такую способность, заключается в умении замещать более эффективными видами деятельности менее эффективные. Это «позволяет определить конкурентоспособность, как способность соперников перераспределять созданную хозяйствующими субъектами стоимость в свою пользу благодаря умению замещать менее результативные виды деятельности более результативными» (Тарануха, 2013, с. 13).

Преимущество приведенной трактовки конкурентоспособности состоит в следующем. Она объясняет действительное содержания конкурентоспособности, являющееся способностью соперников создавать благоприятные условия собственного развития за счет своих конкурентов, благодаря чему разрешается дилемма П. Кругмана (Krugman, 1994, р. 30) и становится

понятно, почему участники международной торговли, извлекая выгоды от нее, стремятся превзойти друг друга в конкурентоспособности. Такое понимание конкурентоспособности обнаруживает существующее различие между повышением эффективности производства и конкурентоспособности. Если оба соперника добьются повышения эффективности, то конкурентоспособность повысится только у того, который обеспечил рост эффективности в большей степени. При этом оно раскрывает смысл повышения конкурентоспособности — укрепление выживания в конкурентной среде. Наконец, оно обладает еще и тем достоинством, что соединяет в себе ресурсную и результативную составляющие без необходимости изменять или дополнять их в процессе развития экономики и общества.

Предложенную трактовку конкурентоспособности можно назвать универсальной, так как в ней отражен сущностный признак, характерный каждой форме конкурентоспособности. Преимущество этого универсализма состоит в том, что он позволяет понять единство природы всех форм КСП, отследить взаимосвязь и определить соподчиненность этих форм и обеспечить методологическое единство их анализа. Каждая конкретная форма конкурентоспособности будет иметь свои особенности, но все они должны соответствовать сути универсального определения.

Конкурентоспособность — эволюционирующее явление. Наиболее наглядно это проявляется в развитии формы его бытия. Исходная его форма — конкурентоспособность продукта, возникающая тогда, когда производство для продажи становится главным мотивом хозяйственной деятельности. Она не была неизвестна соперникам, но последствия ее действия очевидны — расслоение ремесленников. Переход к производству, основанному на внутренней кооперации труда, вызвал к жизни предприятия, а вместе с этим и новую форму конкурентоспособности — конкурентоспособность фирмы. Переход к машинному производству и отраслевым структурам вызвал к жизни межотраслевую конкуренцию и конкурентоспособности отрасли. Глобализация рынков и конкуренции во второй половине XX в. привели к рождению конкурентоспособности страны. Завершает этот эволюционный процесс конкурентоспособность региона, обусловленная переносом акцентов в поиске факторов роста и развития на региональный уровень. Из-за недостатка места мы не будем останавливаться на обосновании каждой формы конку-

рентоспособности, а ограничимся лишь указанием на них. Конкурентоспособность продукта определяется нами как способность принести прибыль благодаря высокой доле добавленной стоимости. Конкурентоспособность фирмы — как способность создавать большую стоимость при данном объеме факторов производства благодаря умению учиться. Конкурентоспособность отрасли — как способность привлекать инвестиции благодаря созданию условий, обеспечивающих большую доходность на примененный капитал. Конкурентоспособность страны определяется нами как способность перераспределять созданную в мировом хозяйстве стоимость в свою пользу, благодаря наличию в стране условий и стимулов для создания большей добавленной стоимости. О конкурентоспособности региона разговор ниже.

Обоснование существования конкурентоспособности региона

Выделение конкурентоспособности региона в виде особой проблемы не является общепризнанным и остается наиболее спорным понятием. Обусловлено это не только «неуловимостью» понятия «конкурентоспособность» (Bristow, 2010), но и размытостью понятия «регион» (Borozan, 2008). Так как в нашей трактовке конкурентоспособность — качество, присущее только субъектам рыночных отношений, то исходная задача состоит в обосновании наличия у региона признаков субъекта конкурентных отношений, вокруг чего, собственно, и ведется полемика. Следовательно, нам необходимо доказать, что регион является субъектом хозяйствования и конкурирует с себе подобными.

В литературе справедливо отмечается, «что повсеместно используется упрощенный подход к определению региона часто оперируя в своих рассуждениях административно-территориальными единицами» (Украинский, 2018, с. 121). Размытость понятия «регион» связана с тем, что оно может означать как наднациональные единицы, представляющие географически связанные группы стран, так и субнациональные, представленные административными единицами или их группировками, как Федеральные округа в РФ. Поэтому определение региона как географической области, обладающей общими социально-экономическими и культурными элементами, будет неприемлемым для решения стоящей перед нами задачи. К тому же регионы не обладают атрибутами суверенности — не имеют

собственной валюты и не проводят внешней и оборонной политики. Следует ли из этого, что регион не может быть субъектом конкурентных отношений? Чтобы выступать в таком качестве, территория должна обладать «набором характеристик, значимых с точки зрения условий экономических обменов вообще и предпринимательской деятельности в частности» (Шаститко, 2009, с. 13). Фактически это означает, что регион должен выступать в качестве обособленного звена экономики, которое обладает особыми материальными интересами, а также набором средств и инструментов для их реализации.

Несмотря на то, что существуют разные подходы к обоснованию необходимости выделения региона в качестве особого объекта анализа¹, все они представляют собой различные версии кластерной теории. И хотя в ней регион рассматривается как генератор конкурентных преимуществ (Porter, 1998; Enright & Roberts, 2001), мы не можем ее принять по ряду причин. Первая — несовпадение территориальных рамок размещения кластера с административными границами региона. Эту причину можно назвать формальной для случаев, когда кластер вписывается в эти границы. Но даже здесь не следует упускать из виду и то, что кластеризация какого-то сектора может вызвать конкуренцию между регионами, сопровождаясь бесполезной растратой ресурсов (Thissen et al., 2013). Вторая причина — структурное несовпадение. Кластер имеет однородную структуру, а регион нет. Третья и главная причина заключается в отсутствии объяснения природы тех сил, которые вызывают формирование условий, придающих региону статус субъекта конкуренции. Здесь суть не в географии, а в экономике, которая оперирует интересами и поведением.

Нам представляется, что фактором, определяющим формирование региональной экономики как некоего единства, является развитие территориальной производственной кооперации в виде замкнутых, то есть относительно самодостаточных, звеньев общественного разделения труда. Основа для этого — не близость расположения и интенсивность производственных контактов или доверие, все это следствия становления региональной внутренней кооперации. Подлинные причины коренятся в переменах, произошед-

¹ Растворцева, С. Н., Гринева, Н. А. (2014). Конкурентоспособность региона в условиях глобализации: учебное пособие. Белгород: Константа, 187.

ших в производительных силах (технологии) и в конкуренции.

Влияние технологической составляющей заключается в том, что она, с одной стороны, обуславливает рост капитализации производства, а с другой — сокращение срока возмещения затрат вследствие быстрого технологического прогресса. Вторая причина связана с переходом к гиперконкуренции (Браун, 1998), при которой не существует устойчивых конкурентных преимуществ, и фирма не может рассчитывать на их продолжительную эксплуатацию, так как завоеванные преимущества обесцениваются быстро и резко. Возникающие противоречия предстают перед фирмами в виде двух сложностей — экономической и технологической.

Экономическая сложность — резкий рост риска возникновения безвозвратных затрат, обусловленного высокой капиталоемкостью создания конкурентного преимущества и сокращением сроков его эксплуатации. Возникает настоятельная потребность в распределении предпринимательского риска. Технологическая сложность связана с созданием самого преимущества, для чего требуется широкий набор специализированных инвестиций, материализующих компетенции — специфические знания и навыки. В то же самое время обретение компетенций — результат специализации. Отдельная фирма объективно не может располагать необходимыми компетенциями. Единственный способ разрешения возникающего противоречия — кооперация владельцев специализированных компетенций. Именно эти два обстоятельства вызвали те перемены, которые обусловили переход к новой форме взаимодействия среди фирм. Она состоит в межфирменной производственной кооперации на основе внутренней специализации.

Ее участники, сохраняя свою юридическую и экономическую независимость, оказываются в прочной производственно-технологической и коммерческой связи между собой. Специфика этой связи заключается в том, что опираясь на сотрудничество участников производственной кооперации, она не устраняет соперничество среди них, в частности, в виде соперничества за доминирующую роль в кооперации. Это служит фактором эффективного функционирования и источником развития кооперации. Иначе говоря, речь идет об индустриальной сети, участники которой сотрудничают при создании рыночной ценности и соперничают при ее распределении. Вот почему дове-

рие становится важнейшим фактором ее развития, а его утрата приводит к катастрофическим последствиям¹. Очевидно, что такая сетевая организация предполагает тесное территориальное размещение, интенсивное взаимодействие, гибкое реагирование, быстрый обмен знаниями и компетенциями, а также доверие. Регион является наиболее подходящей формой для реализации указанных требований благодаря повышенной прозрачности информации и высокой скорости ее прохождения.

Институты современного развития могут быть разными, но регион все больше превращается в наиболее подходящий из них. Это в первую очередь обусловлено тем, что он выступает в качестве звена развития производительных сил, которое объединяет не только ресурсы (капитал и труд), но и носителей (предпринимательский корпус) и производителей (научных и учебных учреждений) нового знания, действующих в регионе. Регион из объединения разрозненно действующих субъектов превращается в целостный комплекс производительных сил. Это — материальная база для выделения региона в качестве субъекта рыночных отношений. И это же становится основанием для передачи части властных и распорядительных полномочий на региональный уровень. Такой регион — это не просто место локализации ресурсов, фирм и организаций, а субъект, способный координировать их действия и деятельность (Boschma, 2004). Таким образом, не добрая воля центра, а потребность в обеспечении устойчивой динамики развития экономики заставляют делегировать часть прав на уровень региона. Это же дает ответ на вопрос, почему в настоящее время наряду с глобализацией все ярвственнее проявляется тенденция к регионализации экономики. Конечно, регионы не становятся заменителями функций, выполняемых центром. Их задача проще — создание благоприятных условий для продуцирования высокой добавленной стоимости в регионе с учетом ресурсной, экономической, социальной и культурной специфики. Одним словом, речь идет о проведении региональной «макрополитики», что является критерием хозяйственной субъектности, то есть обладания возмож-

¹ Директора и топ-менеджеры. Союзники или соперники? (2017). <https://www.pwc.ru/ru/corporate-governance/assets/russian-boards-survey-2017-rus.pdf> (дата обращения: 30.04.2023); 21-й опрос руководителей крупнейших компаний мира. (2018). http://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/e_CEOsurvey2018_rus.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

ностями для самостоятельной постановки целей и их достижения.

Является ли регион участником конкуренции? Трудно не согласиться с тем, что в эпоху рейтингов регионы неизбежно становятся предметом сравнения друг с другом. Такие сравнения могут быть полезными как с точки зрения оценки достижений, так и выявления недостатков. Но должны ли регионы из-за этого конкурировать между собой? Кругман видел в этом опасное заблуждение (Krugman, 1994). Его критика была направлена против признания конкуренции между странами. Но она может быть отнесена и к конкуренции между регионами. Недопустимость перенесения конкурентного принципа на взаимодействия между странами и регионами объяснялась тем, что в выигрыше оказываются все участники. Кроме того, неуместность аналогий между соперничеством на рынке и соперничеством между странами (регионами) объяснялась невозможностью банкротства последних. Впоследствии эта аргументация была дополнена несовпадением целевых установок (Czyżewska, 2012).

Отрицание конкуренции среди стран было подвергнуто сомнению со ссылкой на мировой опыт. Хотя проигравшие в конкуренции страны не могут исчезнуть, они могут оказаться в долгосрочном застое, а их выигрыш выразится в оттоке населения, низкой занятости и производительности (Gardiner et. al., 2004). Было также обращено внимание на то, что следует учитывать различия в формах конкуренции между фирмами и регионами, которые обусловлены встроенностью последних в систему национальных и региональных систем регулирования. При этом подчеркивается, что регионы активно соперничают в форме прямой конкуренции за отдельные проекты (организация культурных, спортивных или экономических мероприятий). Они также соперничают в форме косвенной конкуренции за иностранные инвестиции, высококвалифицированных сотрудников, получение субсидий и другие формы поддержки из центрального бюджета, фондов помощи, мобильный капитал и туристов, организуя Олимпийские игры и чемпионаты мира (Czyżewska, 2012).

Новая теория федерализма (Ревенко, 2001) прямо постулирует наличие связи между поведением региональных правительств и движением факторов, которые являются предметом конкурентных интересов — труд, капитал, инвестиции или развитие инфраструктуры региона (Барабанов, 2014). При этом выделя-

ется горизонтальная конкуренция, ведущаяся между регионами за доступ и привлечение мобильных ресурсов и инвестиций, и вертикальная конкуренция, ведущаяся за трансферты, субсидии, налоговые и неналоговые доходы. Объектами конкуренции среди регионов могут быть размещение и сохранение предприятий, получение новых инвестиций, сохранение и привлечение человеческих ресурсов, развитие туризма. В одном случае предметом конкуренции среди регионов называются ресурсы: люди, финансы, капитал, информация, необходимые для обеспечения устойчивого регионального развития и решения на этой основе социально-экономических задач (Барабанов, 2014). В другом случае называется стремление «завоевать» различные целевые группы «потребителей» местных и внешних ресурсов, необходимых для обеспечения устойчивого социально-экономического развития¹ (Гринчель, 2007).

Все вопросы легко снимаются, если мы примем точку зрения, базирующуюся на двух положениях:

1) чтобы участвовать в конкуренции регионы должны обладать признаками субъектов конкурентных отношений — собственными экономическими интересами и инструментами для их реализации;

2) конкуренция между соперниками ведется за перераспределение стоимости, созданной участниками конкурентного процесса.

Первое положение позволяет понять, что конкуренция между регионами имеет место не всегда, даже если между ними ведется соперничество, допустим, за те же бюджетные средства или другие трансферты. Чтобы стать полноправным участником конкуренции, необходимо обладать реальной способностью реализовать избранную модель стратегического поведения. Это предполагает, с одной стороны, наличие ресурсов и прав, а с другой — соизмерение затрат и результатов, то есть ориентацию на эффективность стратегии, учитывающая альтернативные возможности применения ресурсов. По этой причине ни регионы советского периода, ни современные российские регионы участниками конкуренции не являются. Да и регионы европейских стран вплоть до последней четверти XX в. нельзя рассматривать в качестве конкурентов из-за отсутствия у них механизмов корректировки имеющихся раз-

¹ Материалы Всемирного экономического форума (Отчет о глобальной конкурентоспособности) The Global Competitiveness Report 2009–2010, Geneva, Switzerland 2009. <http://www.weforum.org/en/index.htm>

личий (Aiginger & Firgo, 2015). Соперничество среди них — это просто спор за доступ к ресурсам, лишенный критериев конкурентной эффективности. Традиционно межрегиональная конкуренция велась между штатами США. И хотя об этом не говорилось, но это проявлялось в заботе штатов о своей привлекательности для бизнеса, для укрепления которой они располагали экономическими и административными возможностями. Конкуренция такого рода в настоящее время распространяется в странах Европы, где наблюдается активный процесс регионализации экономики. Сходный процесс осторожно реализуется в Китае.

Второе положение устраняет главное возражение против перенесения конкуренции на региональный уровень — положительное влияние межрегионального взаимодействия (торговли) на всех участников. Действительно, от взаимодействия регионов могут выиграть все участники. Но из этого не следует, что выигрывают они в равной степени. Если предприятия какого-то региона работают более эффективно, то есть производят продукт с большей добавленной стоимостью, то это с неизбежностью означает, что они получают большую прибыль. Соответственно, они получают возможность наращивать свой производственный и коммерческий потенциал, что равнозначно росту потенциала региона. Рост прибыли у предприятий региона — увеличение налоговой базы и, как следствие, прямое усиление региона. Фактически это означает, что часть стоимости, созданной в одном регионе, была присвоена другим регионом через конкурентный механизм. Формально в выигрыше оба региона. Но по факту один из них оказывается в положении проигравшего, так как он стал донором для другого региона, присвоившего часть ценности, созданной производственными факторами проигравшего региона. Такая трактовка результатов конкуренции не только отвечает ее природе, но и соответствует содержанию конкурентоспособности, которая является сопоставительной оценкой.

Таким образом, конкурентоспособность — характеристика, объективно присущая региону, если он выступает субъектом конкурентных отношений. За последние двадцать лет так и не было выработано признаваемого всеми определения. Но подход к определению конкурентоспособности региона эволюционировал, причем в двух направлениях. Одно из них касается перемены в целевой

функции конкурентоспособности. В ее определениях все чаще и все четче прослеживается перенос акцента на социальные аспекты. Другое направление касается формы выражения содержания. Конкурентоспособность региона определяется либо широко, с перечислением всех необходимых для этого атрибутов: благоприятных предпринимательских, институциональных, социальных, технологических рамок и инфраструктуры, которые местные фирмы могут использовать в качестве «внешних преимуществ» (Bristow, 2005; ОЭСР, 2001; Camagni & Capello, 2013), либо узко, как способность создавать благоприятные условия для фирм и жителей или как «способность региона быть привлекательным для населения и бизнеса»¹.

Определение конкурентоспособности региона в узком смысле неприемлемо уже в силу предельной размытости. Кроме того, оно содержит в себе внутренне противоречие. Как справедливо подчеркивается, «на категориальном уровне следует проводить различия между привлекательностью (конкурентоспособностью) региона для ведения предпринимательской деятельности и для проживания (потребления свободного времени). Чем лучше развита транспортная инфраструктура, чем значительнее дифференциация соседних регионов по условиям жизни (стоимость и качество жилья, экология и т. д.), тем актуальнее данное различие» (Шаститко, 2009, с. 14). Но главное заключается в другом. Свойства региона, привлекательные для проживания, например, такие, как высокая заработная плата, жесткие экологические требования, дополнительные региональные налоги, станут причиной снижения его привлекательности для бизнеса.

Более пространное определение конкурентоспособности региона тоже вызывает возражения. Оно практически ничем не отличается от определения конкурентоспособности страны — набор условий, обеспечивающий устойчивый рост благосостояния населения. Стало быть, понятия разные, а содержание у них одно, что само по себе вызывает сомнения в обоснованности такой трактовки. Можно, конечно, возразить, что речь идет о разных уровнях экономики, обладающих сходными целевыми и инструментальными характеристиками, что в действительности не так.

¹ Растворцева, С. Н., Гринева, Н. А. (2014). Конкурентоспособность региона в условиях глобализации: учебное пособие. Белгород: Константа, 187. С. 42.

Конкурентоспособность региона отличается от конкурентоспособности фирм тем, что регионы выступают не атомистическими структурами, которые обладают конкретными конкурентными преимуществами, а «социальными агрегатами», которые обладают экономическими и политическими структурами (Bristow, 2005). Разграничивая и комбинируя производственные активы, регион оказывает влияние не только на производительность действующих в его границах фирм, но и на производительность региона в целом, что позволяет рассматривать его в виде мезоуровня экономики (Begg, 1999). Это означает, что региональная конкурентоспособность не тождественна суммарной конкурентоспособности локализованных в регионе фирм. Причем не потому, что она включает организации, работающие «над фирмой», а потому, что региональные органы власти «несут значительную долю ответственности за формирование «собственной» институциональной среды региона» (Украинский, 2018). Поэтому «конкурентоспособность региона зависит не только от присутствия критической массы компетентных организаций в его границах, но также и от его возможности координировать действия этих организаций» (Boschma, 2004. p. 1007).

Конкурентоспособность региона отличается от конкурентоспособности страны тем, что для первой определяющую роль играют не относительные, а абсолютные преимущества (Samagni, 2002). Это связано с тем, что различия в уровне издержек на национальном уровне может корректироваться инструментами макрорегулирования — изменением обменного курса и цен факторов производства (Krugman, 1996b). На региональном уровне этого сделать нельзя. При этом для региональной конкурентоспособности особенно значимы пространственные взаимосвязи, так как она отражает способность соперничать за привлечение и удержание факторов производства в условиях пространственной открытости для их потоков (Doel & Hubbard, 2002). Проигрыш региона в ценовой конкуренции может обнулить экспорт, лишив регион возможностей для привлечения высококачественных ресурсов, таких как высококвалифицированный творческий труд или прямые иностранные инвестиции (Aiginger & Firgo, 2015).

Кроме того, совпадение целевых императивов на уровне региона и страны, а также способов их достижения только кажущееся. На самом деле цели разные, и решаются они по-разному. Повышение благосостояния населения страны

всегда реализуется с учетом сглаживания региональной дифференциации в доходах населения, нередко это рассматривается как один из способов повышения конкурентоспособности страны. Превратить регион в привлекательное место для торговли, потоков инвестиций и знаний можно только обладая превосходством над другими регионами, в частности, добившись более высокого благосостояния населения. Значит, для региона углубление межрегиональной дифференциации благосостояния — не только целевая установка, но и способ повышения своей конкурентоспособности.

Кроме того, существует возражение против указанного широкого определения конкурентоспособности региона методологического свойства. Суть его в том, что определение явления не должно включать все его признаки и свойства. Мы полагаем, что отражение в определении сущностной стороны явления следует считать вполне достаточным. Включение в него большого числа элементов неизбежно приведет к размыванию существа явления, так как некоторые элементы окажутся либо специфическими, либо временными, то есть привязанными к строго определенной территории или временному периоду, либо вообще случайными, проявившимися в силу стечения определенных обстоятельств. Поэтому узость определения категории нельзя назвать недостатком, как иногда полагают (Барабанов, 2014). Тем более, что чем больше признаков будет в него включаться, тем более вероятным будет возникновение противоречий между такими включениями.

Определение конкурентоспособности региона должно раскрывать ее целевую функцию. Но это не означает, что эта функция есть воплощение целей, которые ставит перед собой регион как административная единица. Во-первых, цель конкурентоспособности и цель региона — не однопорядковые категории. Первая имеет объективную природу, в то время как вторая — чисто субъективную. Во-вторых, это будет означать подмену целей. Действительно, если принять господствующую в настоящее время трактовку конкурентоспособности региона, в которой целевая функция сводится к благосостоянию, то резонно спросить, «почему мы не говорим просто об «анализе благосостояния» и не отказываемся от термина «конкурентоспособность» при сравнении экономик» (Aiginger & Firgo, 2015). Потому что понятие «конкурентоспособность» заставляет сосредоточиться на рыночных процессах, подчеркивает восходящий характер созда-

ния благосостояния, не допускает злоупотребления стоимостными факторами при оценке вклада фирм и отраслей в достижение конечных общественных целей, полагают некоторые (Aiginger & Firgo, 2015). На наш взгляд, причина заключается в разной природе целей. Конкурентоспособность — это способ достижения целей региона, иначе нет смысла за нее бороться и ее повышать. Наконец, у региона всегда имеется множество целевых ориентиров, в большей или в меньшей степени согласованных между собой. У конкурентоспособности цель одна. Но если она будет достигнута, это может позволить решить многие цели региона.

Если целью региональной конкурентоспособности является не благосостояние, то что же должно быть ею? Часто в качестве цели называются привлекательные условия для фирм и населения. Подобное ее определение неприемлемо по двум причинам. Несмотря на привлекательность «условие» потому и является условием, что оно обуславливает что-то, а потому само целью выступать не может. Не может оно также обеспечить достижения цели. Оно создает потенцию для достижений, но не гарантирует самих достижений. Поэтому невозможно определить набор условий, который гарантировано обеспечит победу в конкурентоспособности. Этот набор будет разным и будет изменяться во времени. В определении конкурентоспособности как набора привлекательных условий заключено противоречие, о чем говорилось ранее. Лучшие условия для бизнеса — низкие налоги и дешевая рабочая сила. Но именно эти факторы снижают привлекательность территории для жителей.

Иногда конкурентоспособность региона определяется как «способность выдерживать конкуренцию со других регионов в борьбе за ресурсы, необходимые для устойчивого развития территории и решения на этой основе социально-экономических задач» (Барабанов, 2014, с. 18). Такое определение также следует признать неприемлемым. Прежде всего, из-за неопределенности объекта борьбы, так как непонятно, за какие ресурсы идет борьба. Например, природные ресурсы, находящиеся на территории региона, вообще не могут быть объектом соперничества. К тому же само по себе наличие таких ресурсов конкурентоспособность не определяет. Скорее даже, напротив, так как страны, торгующие сырьевыми товарами, являются мировыми донорами. На практике часто богатые ресурсами регионы имеют низкую конкурентоспособность.

При анализе разных определений конкурентоспособности региона обращает на себя внимание одна закономерность. Все они так или иначе связаны с выделением инвестиционной привлекательности. Это может делаться явно (Якимова & Хмура, 2022), а может завуалировано под способность региона удерживать факторы производства (Doel & Hubbard, 2002) или бороться за них¹ (Stouper, 1997). Одним словом, речь идет о способности привлекать инвестиции. Поэтому в данном случае вполне обоснованно рассматривать конкурентоспособность «через призму контрактных отношений между предпринимателем (инвестором) и региональными властями» (Шаститко, 2009, с. 19).

Нам думается, что это является прямым свидетельством того, что если конкуренция между регионами и существует, то ведется она за инвестиционные ресурсы. Инвестиции — это не просто ресурс. Это актив, создающий производственные мощности и рабочие места, а в конечном счете предпринимательскую активность, которая определяет и устойчивость экономического роста региона, и динамику благосостояния населения. При объективно существующей ограниченности инвестиционных ресурсов решение указанной задачи возможно только одним способом — посредством их перераспределения в свою пользу. Поэтому способность перераспределять инвестиции в свою пользу, по нашему мнению, является свойством наиболее полно и точно отражающим сущность конкурентоспособности региона. Как этого добиться? Создать более действенные стимулы для эффективного приложения инвестиций. Это дает основание для того, чтобы определить конкурентоспособность региона как способность перераспределять инвестиции в свою пользу благодаря созданию более действенных стимулов для их эффективного применения. Оно полностью отвечает универсальному содержанию конкурентоспособности — способность перераспределять ценность в свою пользу. Можно выделить ряд преимуществ такого понимания конкурентоспособности региона:

- указывает на конкретную причину, определяющую превосходство, — наличие сильных стимулов;
- раскрывает источник завоевания превосходства;

¹ Растворцева, С. Н., Гринева, Н. А. (2014). Конкурентоспособность региона в условиях глобализации: учебное пособие. Белгород: Константа, 187.

— указывает на тесную связь между конкурентоспособностью и развитием региона, отражая значимость конкурентоспособности для развития региона;

— раскрывает причину и объект соперничества среди регионов;

— позволяет увидеть источник и фактор, определяющие не только текущее социально-экономическое состояние региона, но и динамику его изменения в будущем;

— выступает показателем, синтезирующим влияние всего многообразия преимуществ, которыми располагает регион;

— более операционально, так как, выступая обобщенным воплощением результативности применения всех региональных факторов, позволяет легко оценить уровень конкурентоспособности и отследить его изменения на основе динамики инвестиционных потоков, оценочные сравнения которой могут стать базой для рейтингования регионов;

— обладает гибкостью, так как в нем конкурентоспособность определяется не статически, как достижение чего-то на каком-то уровне, например, привлечение максимального количества инвестиций, а динамически, как способность добиваться положительных изменений, что для понимания сути конкурентоспособности имеет определяющее значение;

— ставит четкую целевую задачу перед руководством региона;

— отличается устойчивостью, так как не зависит от временных периодов и региональных параметров.

Все это говорит о том, что способность перераспределять инвестиционные потоки в свою пользу не только раскрывает сущность конкурентоспособности региона, но и выступает индикатором и ориентиром для региональных властей. Фактически речь идет о том, что инвестиционная привлекательность региона — это его состояние, которое дает региону комплексную характеристику, то есть отражает его ресурсную и результирующую составляющие одновременно.

Заключение

Интерес к исследованию региональных проблем обусловлен возрастающей ролью регионов в обеспечении устойчивого экономического роста и развития, которая обусловлена перемещением точек роста на региональный уровень. Перемена места и роли региона в структуре экономики становится причиной возникновения соперничества между

ними. В этой ситуации возникла потребность в инструменте, позволяющем сопоставлять регионы, с одной стороны, и оценивать деятельность региональных властей — с другой. Им стала конкурентоспособность. Учитывая усиление тенденции к регионализации экономических процессов, интерес к этой проблеме будет нарастать.

За последние двадцать лет конкурентоспособность стала достаточно популярным среди экономистов объектом исследований, а его изучению посвящен большой массив литературы как за рубежом, так и в нашем отечестве. Несмотря на эволюцию в понимании ее природы и трактовках, конкурентоспособности региона остается дискуссионным понятием, не имеющим общепризнанного толкования.

Сложность решения проблемы обусловлена не только многочисленностью трактовок региональной конкурентоспособности, которая объясняется многогранностью самого явления. Проблема усугубляется еще и тем, что подвергается сомнению обоснованность выделения этого понятия на фоне недоказанности наличия конкуренции среди регионов. Все это потребовало нетривиального анализа имеющегося научного наследия и самого явления. Изучение имеющихся источников привело к выводу, что причина расхождений в понимании природы и содержания конкурентоспособности региона лежит в методологической плоскости. Отчасти это связано с различиями в подходах к проблеме с позиций разных научных школ, а отчасти с применением неверного метода анализа, не предусматривающего сепарирования, то есть выделения и отдельного анализа составных элементов, характеризующих экономическую природу явления, таких как форма, содержание и сущность.

Для снятия этой проблемы была использована ранее не применявшаяся для анализа конкурентоспособности региона методологическая модель анализа — подход с позиций материалистической диалектики. Его специфика заключается в том, что любое явление рассматривается, с одной стороны, как система, представляющая единство составляющих явление элементов и признаков, а с другой — как часть более общей системы, которая определяет природу всех входящих в нее подсистем. В нашем случае это означает, что конкурентоспособность региона должна рассматриваться как единство сущности, содержания и формы, основные свойства которых определяются конкурентным характером рыночных отношений, обуславливающих существование

конкурентоспособности. Названный метод обладает еще и той особенностью, что предполагает эволюционный подход к пониманию природы явлений, в рамках которого они рассматриваются как результаты развития определенных явлений и процессов и одновременно сами находятся в состоянии непрерывных изменений. Такой подход приводит к выводу, что конкурентоспособность выступает порождением развития рыночных отношений и конкуренции, а конкурентоспособность региона — результатом ее эволюции, принимающей особую форму. Конкурентоспособность региона как особое экономическое явление возникает в связи с регионализацией социально-экономических процессов, вызванной обретением регионами свойств самостоятельно хозяйствующего субъекта. Причин этого две: превращение региона в ключевое звено развития общественных производительных сил и обусловленная этим передача части властных и распорядительных прав на уровень региона.

На основании представленного подхода было определено, что причиной возникновения конкурентоспособности является соперничество субъектов конкуренции за достижение своих материальных интересов, а существенной чертой их конкурентоспособности является их способность перераспределять созданную ценность (стоимость) в свою пользу. Учитывая специфику задач и целей региона, автор приходит к выводу, что сущность конкурентоспособности региона заключается в способности перераспределять в свою пользу инвестиционные потоки. Этим решается не только вопрос о цели участия ре-

гиона в конкуренции, но и вопрос о способе реализации этой цели. Исходя из того, что содержание явления шире его сущности и отражает способы реализации сущности, было дано определение конкурентоспособности региона, согласно которому конкурентоспособность региона — способность перераспределять инвестиционные потоки в свою пользу благодаря созданию более действенных стимулов для эффективного применения инвестиций. Такое понимание конкурентоспособности региона обладает множеством преимуществ, но свое синтетическое выражение они получают в том, что приведенная трактовка региональной конкурентоспособности отражает не только объект соперничества, но и значимость конкурентоспособности для развития региона. Она также позволяет легко определить уровень конкурентоспособности региона, опираясь на данные о динамике инвестиций, а сравнение этой динамики по регионам позволит столь же легко создать их рейтинг.

Важным достоинством предлагаемой трактовки конкурентоспособности региона является также то, что она фокусирует внимание на роли эндогенных факторов роста и развития. Проблему составляет их неоднородность. А это означает, что они различаются по роли и характеру влияния на конкурентоспособность региона. Это ставит задачу их выявления, определения их ролевых функций и ранжирования между собой с целью выстраивания системы, которая послужит базой для управления региональной конкурентоспособности.

Список источников

- Барабанов, А. С. (2014). *Управление региональной конкурентоспособностью*. Вологда: ИСЭРТ РАН, 160.
- Бест, М. (2002). *Новая конкуренция. Институты промышленного развития*. Москва: ТЕИС, 356.
- Близнюк, О. С. (2018). Методологические подходы к исследованию понятия «конкурентоспособность». *Наука и техника*, 17(4), 344–354. <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2018-17-4-344-354>
- Бондаренко, Н. Е. (2016). Кластерная теория экономического развития. История становления и формирования. *Символ науки*, 2, 116–121.
- Брун, М. (1998). Гиперконкуренция: характерные особенности, движущие силы и управление. *Проблемы теории и практики управления*, 3, 104–109.
- Бусыгина, И. М. (2001). Региональная политика: новые тенденции и вызовы. В: Ю. А. Борко, О. В. Буторина (ред.), *Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития* (с. 95–104). Москва: Эдиториал УРСС.
- Гельвановский, М., Жуковская, В., Трофимова, И. (1998). Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях. *Российский экономический журнал*, 3, 67–78.
- Гончар, К. Р., Кузнецов, Б. В. (ред.). (2008). *Российская промышленность на этапе роста: факторы конкурентоспособности фирм*. Москва: ГУ-ВШЭ, 479.
- Гринчель, Б. М. (2007). Оценка конкурентного потенциала регионов Северо-Запада России. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, 3, 55–67.
- Доронкина, Е. (2012). Конкурентоспособность региона как система. *Вестник Института экономики РАН*, 3, 165–170.

- Емельянов, А. А., Кельчевская Н. Р., Пелымская И. С. (2020). Оценка конкурентоспособности региональных горно-металлургических кластеров. *Экономика региона*, 16(1), 213-227. <https://doi.org/10.17059/2020-1-16>
- Коковихин, А. Ю., Огородникова Е. С., Уильямс Д., Плахин А. Е. (2018). Оценка конкурентной среды на региональных рынках. *Экономика региона*, 14(1), 79-94. <https://doi.org/10.17059/2018-1-7>
- Кононова, Г. А., Циганов В. В. (2017). Некоторые методы оценки конкурентоспособности региона. *Журнал правовых и экономических исследований*, 1, 149-154.
- Маркс, К. (1961). Капитал. Т. III. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. Гл. 10. Москва: Политиздат, 545.
- Неганова, В. П., Чистяков, Ю. Ф., Дрокин, В. В., Журавлев, А. С., Седельников, В. М. (2021). Конкурентоспособность региональных агропродовольственных систем: теоретический обзор. *Экономика региона*, 17(1), 329-353. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-25>
- Нечеухина, Н. С., Мустафина, О. В., Куклина, Л. Н. (2018). Конкурентоспособность различных сегментов потребительского рынка региона. *Экономика региона*, 14(3), 836-850. <https://doi.org/10.17059/2018-3-11>
- Ощепков, В. М., Кузьмина, Ю. Д. (2012). Конкурентоспособность регионов: сущность, современные факторы повышения. *Вестник Пермского университета. Экономика, спецвыпуск*, 6-12.
- Портер, М. (1993). *Международная конкуренция*. Москва: Международные отношения, 896.
- Портер, М. (2005). *Конкуренция*. Москва: Вильямс, 602.
- Ревенко, С. С. (2001). *Конкурентен ли российский федерализм?* Препринт #BSP/01/052 Р. Москва: Российская экономическая школа, 32.
- Тарануха, Ю. В. (2011). Противостоящие подходы к анализу конкуренции. В: В. Н. Черковец (ред.), «Капитал» и экономикс. Вып. 4. (с. 84-110). Москва: ТЕИС.
- Тарануха, Ю. В. (2013). О категории «конкурентоспособность». *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 3, 3-17.
- Татаркин, А. И. (2004). *Конъюнктура региональной конкурентоспособности*. <https://www.hse.ru/data/899/314/1234/57.pdf>
- Татаркин, А. И. (ред.). (2003). *Конкурентоспособность региона: новые тенденции и вызовы*. Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 208.
- Украинский, В. Н. (2018). Региональная конкурентоспособность: методологические рефлексии. *Вопросы экономики*, 6, 117-132. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-117-132>
- Унтура, Г. А. (2002). Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности. *Регион: экономика и социология*, 1, 3-16.
- Шаститко, А. Е. (2009). Конкурентоспособность региона: содержание, факторы, политика. *Балтийский регион*, 1, 11-31. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-1-2>
- Якимова, В. А., Хмура, С. В. (2022). Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики Дальнего Востока России. *Экономика региона*, 18(3), 943-959. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22>
- Ясин, Е., Яковлев, А. (2004). *Конкурентоспособность и модернизация российской экономики: начало проекта*. К 5-й Международной научной конференции «Конкурентоспособность и модернизация экономики» 6-8 апреля 2004 г. Москва: ГУ — ВШЭ, 49.
- Aiginger, K. (2006). Competitiveness: From a dangerous obsession to a welfare creating ability with positive externalities. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 6(2), 161-177. <https://doi.org/10.1007/s10842-006-9475-6>
- Aiginger, K., & Firgo, M. (2015). *Regional competitiveness under new perspectives*. WWW for Europe Policy Paper, 26.
- Aiginger, K., & Vogel, J. (2015). Competitiveness: From a misleading concept to a strategy supporting beyond GDP goals. *Competitiveness Review*, 25(5), 497-523. <https://doi.org/10.1108/CR-06-2015-0052>
- Annoni, P., & Dijkstra, L. (2013). *EU regional competitiveness index RCI 2013*. https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/studies/6th_report/rci_2013_report_final.pdf
- Annoni, P., & Weziak-Bialowolska, D. (2016). A measure to target antipoverty policies in the European Union regions. *Applied Research in Quality of Life*, 11(1), 181-207. <http://dx.doi.org/10.1007/s11482-014-9361-z>
- Archibugi, D., & Coco, A. (2005). Is Europe becoming the most dynamic knowledge economy in the world? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 43(3), 433-459. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9886.2005.00564.x>
- Audretsch, D. B., Hülsbeck, M., & Lehmann, E. E. (2012). Regional competitiveness, university spillovers, and entrepreneurial activity. *Small Business Economics*, 39(3), 587-601. <http://dx.doi.org/10.1007/s11187-011-9332-9>
- Baláz, P., & Bayer, J. (2019). Energy prices and their impact on the competitiveness of the EU steel industry. *Prague economic papers*, 28(5), 547-566. <https://doi.org/10.18267/j.pep.715>
- Begg, I. (1999). Cities and competitiveness. *Urban Studies*, 36(5-6), 795-809. <https://doi.org/10.1080/0042098993222>
- Borozan, D. (2008) Regional competitiveness: some conceptual issues and policy implication. *Interdisciplinary Management Research*, 4, 50-63.
- Boschma, R. (2004). Competitiveness of Regions from an Evolutionary Perspective. *Regional Studies*, 38(9), 1001-1014. <https://doi.org/10.1080/0034340042000292601>
- Boulouta, I., & Pitelis, C. N. (2014). Who needs CSR? The impact of corporate social responsibility on national competitiveness. *Journal of Business Ethics*, 119(3), 349-364. <https://doi.org/10.1007/s10551-013-1633-2>
- Brakman, S., & Garretsen, H. (2003). Rethinking the “New” Geographical Economics. *Regional Studies*, 37(6-7), 637-648. <https://doi.org/10.1080/0034340032000108732>

- Bristow, G. (2005). Everyone's a 'winner': problematising the discourse of regional competitiveness. *Journal of Economic Geography*, 5(3), 285-304. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbh063>
- Bristow, G. (2010). *Critical reflections on regional competitiveness: Theory, policy and practice*. Routledge, 200.
- Budd, L., & Hirmis, A. (2004). Conceptual Framework for Regional Competitiveness. *Regional Studies*, 38(9), 1015-1028. <https://doi.org/10.1080/0034340042000292610>
- Camagni, R. (2002). On the Concept of Territorial Competitiveness: sound or misleading? *Urban Studies*, 39(13), 2395-2411.
- Camagni, R., & Capello, R. (2013). Regional Competitiveness and Territorial Capital: A Conceptual Approach and Empirical Evidence from the European Union, *Regional Studies*, 47(9), 1383-1402.
- Carayannis, E. G., Barth, T., & Campbell, D. F. J. (2012). The Quintuple Helix innovation model: Global warming as a challenge and driver for innovation. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 1(1), 2. <https://doi.org/10.1186/2192-5372-1-2>
- Cellino, R., & Soci, A. (2002). Pop Competitiveness. *Banca Nazionale del Lavoro, Quarterly Review*, 55(220), 71-101.
- Cho, D.-S., & Moon, H.-C. (2000). *From Adam Smith to Michael Porter: Evolution of Competitiveness Theory*. World Scientific. <https://doi.org/10.1142/4531>
- Czyżewska, D. (2012). Istota konkurencyjności regionów. *Ruch prawniczy, ekonomiczny I sociologiczny*, 4, 203-217.
- Delgado, M., Ketels, C. H. M., Porter, M. E., & Stern, S. (2012). *The determinants of national competitiveness*. NBER Working Paper, 18249.
- Dijkstra, L., Annoni, P., & Kozovska, K. (2011). *A new regional competitiveness index: Theory, methods and findings*. Working paper n. 2, European commission – directorate-general for regional policy. https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/work/2011_02_competitiveness.pdf
- Doel, M., & Hubbard, P. (2002). Taking World Cities literally: Marketing the City in a Global Space of Flows. *City*, 6(3), 351-368. <http://dx.doi.org/10.1080/1360481022000037779>
- Enright, M. J., & Roberts, B. H. (2001). Regional Clustering in Australia. *Australian Journal of Management*, 26(1), 65-85. <http://dx.doi.org/10.1177/031289620102601S04>
- European Commission. (1999). *Sixth Periodic Report on the Social and Economic Situation and development of the regions of the European Union*. Publications Office.
- García, N. C. (2016). Territorial competitiveness and the European investment plan against regional inequality. *Journal of Regional Research*, 35, 177-201.
- García-Alvarez-Coque, J. M., Roig-Tierno, N., Sánchez-García, M., & Mas-Verdu, F. (2020). Knowledge drivers, business collaboration and competitiveness in rural and urban regions. *Social Indicators Research*, 157, 9-27. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02478-6>
- Garden, C., & Martin, R. L. (2005). *A Study on the Factors of Regional Competitiveness*. A Draft Final Report for the European Commission Directorate-General Regional Policy. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/3cr/competitiveness.pdf
- Gardiner, B., Martin, R. L., & Peter, T. (2004). Competitiveness, Productivity and Economic Growth across the European Region. *Regional Study*, 38(9), 1045-1067.
- Garelli, S. (Ed.). (2011). *IMD World Competitiveness Yearbook 2011*. IMD – International Institute of Management and Development.
- Grassia, M. G., Marino, M., Mazza, R., Misuraca, M., Zavarrone, E., & Friel, M. (2022). Regional Competitiveness: A Structural-Based Topic Analysis on Recent Literature. *Social Indicators Research*. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02951-4>
- Huggins, R. (2003). Creating a UK competitiveness index: Regional and local benchmarking. *Regional Studies*, 37(1), 89-96. <https://doi.org/10.1080/0034340022000035420>
- Huggins, R. (2010). Forms of network resource: knowledge access and role of inter-firm networks. *International Journal of Management Reviews*, 12(3), 335-352. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2009.00266.x>
- Huggins, R., & Izushi, H. (2007). *Competing for Knowledge: Creating, Connecting, and Growing*. Routledge.
- Huggins, R., Izushi, H., Prokop, D., & Thompson, P. (2014). *The Global Competitiveness of Regions: Regions and Cities*. Routledge.
- Januškaite, V., & Užiene, L. (2018). Intellectual capital as a factor of sustainable regional competitiveness. *Sustainability*, 10(12), 4848. <https://doi.org/10.3390/su10124848>
- Kitson M., Martin R., & Tyler P. (2004). Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept? *Regional Studies*, 38(9), 991-999. <http://dx.doi.org/10.1080/0034340042000320816>
- Kitson, M., Martin, R., & Tyler, P. (2006). *The Regional Competitiveness Debate*.
- Kohler, W. (2006). The 'Lisbon Goal' of the EU: Rhetoric or Substance? *Journal of Industry, Competition and Trade*, 6(2), 85-103. <https://doi.org/10.1007/s10842-006-9473-8>
- Komarova, V. N., Zjablova, O. V., & Denmukhametov, R. R. (2014). An infrastructure factor in regional competitiveness. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(18), 355-360. <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n18p355>
- Krugman P. (1990) *The Age of Diminished Expectations*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Krugman, P. (1994). Competitiveness: A dangerous obsession. *Foreign Affairs*, 73(2), 28-44.
- Krugman, P. (1996a). Making sense of the competitiveness debate. *Oxford Review of Economic Policy*, 12(3), 17-35.

- Krugman, P. (1996). *Pop Internationalism*. MIT Press.
- Krugman, P. (1997). *The Age of Diminished Expectations*. MIT Press.
- Maillat, D., Quévit, M., & Senn, L. (Éds) (1993). *Réseaux d'innovation et milieux innovateurs. Réseaux d'innovation et milieux innovateurs: un pari pour le développement régional*. Neuchâtel. GREMI/EDES. Institut de recherches économiques et régionales, 392.
- Malecki, E. J. (2004). Jockeying for position: What it means and why it matters to regional development policy when places compete. *Regional Studies*, 38(9), 1101-1120. <https://doi.org/10.1080/0034340042000292665>
- Malecki, E. J. (2007). Cities and regions competing in the global economy: Knowledge and local development policies. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 25(5), 638-654. <http://dx.doi.org/10.1068/c0645>
- Martin, R. (2005). *Thinking about regional competitiveness: Critical issues*. Cambridge-MIT Institute University of Cambridge.
- Meyer-Stamer, J. (2005). *Systemic competitiveness revisited: Conclusions for technical assistance in private sector development*. Working Paper, 14.
- OECD. (2001). *OECD Territorial Outlook*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264189911-en>
- OECD. (2007). *Higher education and regions: Globally competitive, locally engaged*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264034150-en>
- OECD. (2012). *Promoting growth in all regions*. OECD Publishing. <https://dx.doi.org/10.1787/9789264174634-en>
- Perrons, D. (2004). *Globalization and Social Change: People and Places in a Divided World*. Routledge.
- Polyakova, A., Kolmakov, V., & Yamova, O. (2019). Regional competitiveness response to innovation changes: issues of evaluation. *Journal of Urban and Regional Analysis*, 11(2), 159-172. <https://doi.org/10.37043/jura.2019.11.2.3>
- Porter, M. (2003). The Economic Performance of Regions. *Regional Studies*, 37(6-7), 549-578. <https://doi.org/10.1080/0034340032000108688>
- Porter, M. E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 875.
- Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 76(6), 77-90.
- Porter, M. E., Ketels, C. H. M., Miller, K. K., & Bryden, R. (2004). *Competitiveness in Rural U.S. Regions: Learning and Research Agenda*. Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School.
- Schwab, K., Porter, M., Sala-i-Martin, X., & Augusto, L.-C. (2007). *The Global Competitiveness Report 2007-2008*. Geneva: World Economic Forum, 608.
- Scott, A., & Storper, M. (2003). Regions, Globalization, Development. *Regional Studies*, 37(6-7), 579-593. <http://dx.doi.org/10.1080/0034340032000108697a>
- Stouper M. (1997). *The Regional World: Territorial Development in a Global Economy*. Guilford Press, New York.
- Thissen, M., van Oort, F., Diodato, D., & Ruijs, A. (2013). *Regional Competitiveness and Smart Specialization in Europe*. Edward Elgar.
- Thyrof, A., Kilbourne, W. E. (2018). Self-enhancement and individual competitiveness as mediators in the materialism/consumer satisfaction relationship. *Journal of Business Research*, 92, 189-196. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.07.023>
- Vega de la, S. J. C., Azorin, B. J. D., Segura, C-F. A., Yago, E. M. (2019). A new measure of regional competitiveness. *Applied Economic Analysis*, 27(80), 108-126. <https://doi.org/10.1108/AEA-07-2019-0010>

References

- Aiginger, K. (2006). Competitiveness: From a dangerous obsession to a welfare creating ability with positive externalities. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 6(2), 161-177. <https://doi.org/10.1007/s10842-006-9475-6>
- Aiginger, K., & Firgo, M. (2015). *Regional competitiveness under new perspectives*. WWW for Europe Policy Paper, 26.
- Aiginger, K., & Vogel, J. (2015). Competitiveness: From a misleading concept to a strategy supporting beyond GDP goals. *Competitiveness Review*, 25(5), 497-523. <https://doi.org/10.1108/CR-06-2015-0052>
- Annoni, P., & Dijkstra, L. (2013). *EU regional competitiveness index RCI 2013*. https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/studies/6th_report/rci_2013_report_final.pdf
- Annoni, P., & Weziak-Bialowolska, D. (2016). A measure to target antipoverty policies in the European Union regions. *Applied Research in Quality of Life*, 11(1), 181-207. <http://dx.doi.org/10.1007/s11482-014-9361-z>
- Archibugi, D., & Coco, A. (2005). Is Europe becoming the most dynamic knowledge economy in the world? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 43(3), 433-459. <https://doi.org/10.1111/j.0021-9886.2005.00564.x>
- Audretsch, D. B., Hülsbeck, M., & Lehmann, E. E. (2012). Regional competitiveness, university spillovers, and entrepreneurial activity. *Small Business Economics*, 39(3), 587-601. <http://dx.doi.org/10.1007/s11187-011-9332-9>
- Baláz, P., & Bayer, J. (2019). Energy prices and their impact on the competitiveness of the EU steel industry. *Prague economic papers*, 28(5), 547-566. <https://doi.org/10.18267/j.pep.715>
- Barabanov, A. S. (2014). *Upravlenie regionalnoy konkurentosposobnostyu [Managing regional competitiveness]*. Vologda: ISEDT RAN, 160. (In Russ.)
- Begg, I. (1999). Cities and competitiveness. *Urban Studies*, 36(5-6), 795-809. <https://doi.org/10.1080/0042098993222>
- Best, M. (2002). *The New Competition. Institutions of Industrial Restructuring [Novaya konkurentiya. Instituty promyshlennogo razvitiya]*. Trans. from English. Moscow: TEIS, 356. (In Russ.)

- Bliznyuk, O. S. (2018). Methodological Approaches to Study “Competitiveness” Notion. *Nauka i tekhnika [Science and Technique]*, 17(4), 344–354. <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2018-17-4-344-354> (In Russ.)
- Bondarenko, N. E. (2016). Cluster theory of economic development: History of concept development. *Simvol nauki [Symbol of Science]*, 2, 116–121. (In Russ.)
- Borozan, D. (2008) Regional competitiveness: some conceptual issues and policy implication. *Interdisciplinary Management Research*, 4, 50–63.
- Boschma, R. (2004). Competitiveness of Regions from an Evolutionary Perspective. *Regional Studies*, 38(9), 1001–1014. <https://doi.org/10.1080/0034340042000292601>
- Boulouta, I., & Pitelis, C. N. (2014). Who needs CSR? The impact of corporate social responsibility on national competitiveness. *Journal of Business Ethics*, 119(3), 349–364. <https://doi.org/10.1007/s10551-013-1633-2>
- Brakman, S., & Garretsen, H. (2003). Rethinking the “New” Geographical Economics. *Regional Studies*, 37(6–7), 637–648. <https://doi.org/10.1080/0034340032000108732>
- Bristow, G. (2005). Everyone’s a ‘winner’: problematising the discourse of regional competitiveness. *Journal of Economic Geography*, 5(3), 285–304. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbh063>
- Bristow, G. (2010). *Critical reflections on regional competitiveness: Theory, policy and practice*. Routledge, 200.
- Brun, M. (1998). Hypercompetition: Characteristic Features, Driving Forces and Management. *Trans. Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of Management Theory and Practice]*, 3, 104–109. (In Russ.)
- Budd, L., & Hirmis, A. (2004). Conceptual Framework for Regional Competitiveness. *Regional Studies*, 38(9), 1015–1028. <https://doi.org/10.1080/0034340042000292610>
- Busygina, I. (2001). Regional policy: new trends and challenges. In: Yu. A. Borko, O. V. Butorina (Eds.), *Evropeyskiy Soyuz na poroge XXI veka: vybor strategii razvitiya [The European Union on the threshold of the 21st century: Choice of development strategy]* (pp. 95–104). Moscow, Russia: Editorial URSS, 471. (In Russ.)
- Camagni, R. (2002), On the Concept of Territorial Competitiveness: sound or misleading? *Urban Studies*, 39(13), 2395–2411.
- Camagni, R., & Capello, R. (2013), Regional Competitiveness and Territorial Capital: A Conceptual Approach and Empirical Evidence from the European Union, *Regional Studies*, 47(9), 1383–1402.
- Carayannis, E. G., Barth, T., & Campbell, D. F. J. (2012). The Quintuple Helix innovation model: Global warming as a challenge and driver for innovation. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 1(1), 2. <https://doi.org/10.1186/2192-5372-1-2>
- Cellino, R., & Soci, A. (2002). Pop Competitiveness. *Banca Nazionale del Lavoro, Quarterly Review*, 55(220), 71–101.
- Cho, D.-S., & Moon, H.-C. (2000). *From Adam Smith to Michael Porter: Evolution of Competitiveness Theory*. World Scientific. <https://doi.org/10.1142/4531>
- Czyżewska, D. (2012). The essence of regional competitiveness. *Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny [Poznań Journal of Law, Economics and Sociology]*, 4, 203–217. (In Polish)
- Delgado, M., Ketels, C. H. M., Porter, M. E., & Stern, S. (2012). *The determinants of national competitiveness*. NBER Working Paper, 18249.
- Dijkstra, L., Annoni, P., & Kozovska, K. (2011). *A new regional competitiveness index: Theory, methods and findings*. Working paper n. 2, European commission – directorate-general for regional policy. https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/work/2011_02_competitiveness.pdf
- Doel, M., & Hubbard, P. (2002). Taking World Cities literally: Marketing the City in a Global Space of Flows. *City*, 6(3), 351–368. <http://dx.doi.org/10.1080/1360481022000037779>
- Doronkina, E. (2012). Regional competitiveness as a system: special features of research methodology. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 3, 165–170. (In Russ.)
- Emelyanov, A. A., Kelchevskaya, N. R., & Pelymskaya I. S. (2020). Assessment of Competitiveness of Regional Mining and Metallurgical Clusters. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 16(1), 213–227. <https://doi.org/10.17059/2020-1-16> (In Russ.)
- Enright, M. J., & Roberts, B. H. (2001). Regional Clustering in Australia. *Australian Journal of Management*, 26(1), 65–85. <http://dx.doi.org/10.1177/031289620102601S04>
- European Commission. (1999). *Sixth Periodic Report on the Social and Economic Situation and development of the regions of the European Union*. Publications Office.
- Garcia, N. C. (2016). Territorial competitiveness and the European investment plan against regional inequality. *Journal of Regional Research*, 35, 177–201.
- Garcia-Alvarez-Coque, J. M., Roig-Tierno, N., Sanchez-Garcia, M., & Mas-Verdu, F. (2020). Knowledge drivers, business collaboration and competitiveness in rural and urban regions. *Social Indicators Research*, 157, 9–27. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02478-6>
- Garden, C., & Martin, R. L. (2005). *A Study on the Factors of Regional Competitiveness*. A Draft Final Report for the European Commission Directorate-General Regional Policy: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/studies/pdf/3cr/competitiveness.pdf
- Gardiner, B., Martin, R. L., & Peter, T. (2004). Competitiveness, Productivity and Economic Growth across the European Region. *Regional Study*, 38(9), 1045–1067.

- Garelli, S. (Ed.). (2011). *IMD World Competitiveness Yearbook 2011*. IMD – International Institute of Management and Development.
- Gelvanovskiy, M., Zhukovskaya, V., & Trofimova, I. (1998). Competitiveness in micro-, meso – and macro-level measurements. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal]*, 3, 67–78. (In Russ.)
- Gonchar, K. R., & Kuznetsov, B. V. (Eds.). (2008). *Rossiyskaya promyshlennost na etape rosta: faktory konkurentosposobnosti firm [Russian industry at the stage of growth: Factors of competitiveness of firms]*. Moscow, Russia: HSE, 479. (In Russ.)
- Grassia, M. G., Marino, M., Mazza, R., Misuraca, M., Zavarrone, E., & Friel, M. (2022). Regional Competitiveness: A Structural-Based Topic Analysis on Recent Literature. *Social Indicators Research*. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02951-4>
- Grinchel, B. M. (2007). Estimation of competitive potential of the regions of the North-West Russia. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya [Economics of the North-West: Problems and prospects of development]*, 3, 55–67. (In Russ.)
- Huggins, R. (2003). Creating a UK competitiveness index: Regional and local benchmarking. *Regional Studies*, 37(1), 89–96. <https://doi.org/10.1080/0034340022000033420>
- Huggins, R. (2010). Forms of network resource: knowledge access and role of inter-firm networks. *International Journal of Management Reviews*, 12(3), 335–352. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2009.00266.x>
- Huggins, R., & Izushi, H. (2007). *Competing for Knowledge: Creating, Connecting, and Growing*. Routledge.
- Huggins, R., Izushi, H., Prokop, D., & Thompson, P. (2014). *The Global Competitiveness of Regions: Regions and Cities*. Routledge.
- Januškaite, V., & Užiene, L. (2018). Intellectual capital as a factor of sustainable regional competitiveness. *Sustainability*, 10(12), 4848. <https://doi.org/10.3390/su10124848>
- Kitson M., Martin R., & Tyler P. (2004). Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept? *Regional Studies*, 38(9), 991–999. <http://dx.doi.org/10.1080/0034340042000320816>
- Kitson, M., Martin, R., & Tyler, P. (2006). *The Regional Competitiveness Debate*.
- Kohler, W. (2006). The ‘Lisbon Goal’ of the EU: Rhetoric or Substance? *Journal of Industry, Competition and Trade*, 6(2), 85–103. <https://doi.org/10.1007/s10842-006-9473-8>
- Kokovikhin, A. Yu., Ogorodnikova, E. S., Williams, D., & Plakhin, A. Ye. (2018). Assessment of the Competitive Environment in the Regional Markets. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(1), 79–94. <https://doi.org/10.17059/2018-1-7> (In Russ.)
- Komarova, V. N., Zjablova, O. V., & Denmukhametov, R. R. (2014). An infrastructure factor in regional competitiveness. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(18), 355–360. <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n18p355>
- Kononova, G. A., & Tsyganov, V. V. (2017). Certain Methods of Assessing Competitiveness of Region. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy [Journal of Legal and Economic Studies]*, 1, 149–154. (In Russ.)
- Krugman P. (1990) *The Age of Diminished Expectations*. MIT Press, Cambridge, MA.
- Krugman, P. (1994). Competitiveness: A dangerous obsession. *Foreign Affairs*, 73(2), 28–44.
- Krugman, P. (1996b). *Pop Internationalism*. MIT Press.
- Krugman, P. (1996a). Making sense of the competitiveness debate. *Oxford Review of Economic Policy*, 12(3), 17–35.
- Krugman, P. (1997). *The Age of Diminished Expectations*. MIT Press.
- Maillat, D., Quévit, M., & Senn, L. (Éds) (1993). *Réseaux d'innovation et milieux innovateurs. Réseaux d'innovation et milieux innovateurs: un pari pour le développement régional [Innovation networks and innovative environments. Innovation networks and innovative environments: a bet for regional development]*. Neuchâtel. GREMI/EDES. Institut de recherches économiques et régionales, 392. (In French)
- Malecki, E. J. (2004). Jockeying for position: What it means and why it matters to regional development policy when places compete. *Regional Studies*, 38(9), 1101–1120. <https://doi.org/10.1080/0034340042000292665>
- Malecki, E. J. (2007). Cities and regions competing in the global economy: Knowledge and local development policies. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 25(5), 638–654. <http://dx.doi.org/10.1068/c0645>
- Martin, R. (2005). *Thinking about regional competitiveness: Critical issues*. Cambridge-MIT Institute University of Cambridge.
- Marx, K. (1961). *Kapital. T. III. Soch. 2-e izd. T. 25. Chast I. Glava 10 [Capital. Vol. III. Works. 2nd Edition. Vol. 25. Part 1. Chapter 10]*. Trans. Moscow: Politizdat, 545. (In Russ.)
- Meyer-Stamer, J. (2005). *Systemic competitiveness revisited: Conclusions for technical assistance in private sector development*. Working Paper, 14.
- Necheukhina, N. S., Mustafina, O. V., & Kuklina, L. N. (2018). Competitiveness of Various Segments of the Regional Consumer Market. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(3), 836–850. <https://doi.org/10.17059/2018-3-11> (In Russ.)
- Neganova, V. P., Chistiakov, Yu. F., Drokin, V. V., Zhuravlev, A. S., & Sedelnikov, V. M. (2021). Competitiveness of Regional Agri-Food Systems: A Theoretical Review. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(1), 329–353. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-25> (In Russ.)
- OECD. (2001). *OECD Territorial Outlook*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264189911-en>

- OECD. (2007). *Higher education and regions: Globally competitive, locally engaged*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264034150-en>
- OECD. (2012). *Promoting growth in all regions*. OECD Publishing. <https://dx.doi.org/10.1787/9789264174634-en>
- Oshchepkov, V. M., & Kuzmina, Y. D. (2012). Regional Competitiveness: Essence, Modern Factors Increase. *Vestnik Permskogo universiteta. Ekonomika [Perm University Herald. Economy], Special issue*, 6–12. (In Russ.)
- Perrons, D. (2004). *Globalization and Social Change: People and Places in a Divided World*. Routledge.
- Polyakova, A., Kolmakov, V., & Yamova, O. (2019). Regional competitiveness response to innovation changes: issues of evaluation. *Journal of Urban and Regional Analysis*, 11(2), 159–172. <https://doi.org/10.37043/jura.2019.11.2.3>
- Porter, M. (1993). *The Competitive Advantage of Nations [Mezhdunarodnaya konkurentsya]*. Trans. from English. Moscow: International Relations, 896. (In Russ.)
- Porter, M. (2003). The Economic Performance of Regions. *Regional Studies*, 37(6–7), 549–578. <https://doi.org/10.1080/0034340032000108688>
- Porter, M. (2005). *On competition [Konkurentsya]*. Trans. from English. Moscow: Williams Publ., 608. (In Russ.)
- Porter, M. E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 875.
- Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 76(6), 77–90.
- Porter, M. E., Ketels, C. H. M., Miller, K. K., & Bryden, R. (2004). *Competitiveness in Rural U.S. Regions: Learning and Research Agenda*. Institute for Strategy and Competitiveness. Harvard Business School.
- Revenko, S. S. (2001). *Konkurenten li rossiyskiy federalizm? [Russian federalism: competitive or not?]*. Preprint #BSP/01/052 R. Moscow: Russian Economic School, 32. (In Russ.)
- Schwab, K., Porter, M., Sala-i-Martin, X., & Augusto, L.-C. (2007). *The Global Competitiveness Report 2007–2008*. Geneva: World Economic Forum, 608.
- Scott, A., & Storper, M. (2003). Regions, Globalization, Development. *Regional Studies*, 37(6–7), 579–593. <http://dx.doi.org/10.1080/0034340032000108697a>
- Shastitko, A. (2009). Competitiveness of the region: content, factors, policies. *Baltiyskiy region [Baltic Region]*, 1, 11–31. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-1-2> (In Russ.)
- Stouper M. (1997). *The Regional World: Territorial Development in a Global Economy*. Guilford Press, New York.
- Taranukha, Yu. V. (2011). Opposing approaches to competition analysis. In: V. N. Cherkovts (Ed.), “Kapital” i ekonomiks. Vyp. 4. [“Capital” and economics. Vol. 4] (pp. 84–110). Moscow, Russia: TEIS. (In Russ.)
- Taranukha, Yu. V. (2013). About Category “Competitiveness”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 3, 3–17. (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (2004). *Konyunktura regionalnoy konkurentosposobnosti [Conjuncture of regional competitiveness]*. <https://www.hse.ru/data/899/314/1234/57.pdf> (In Russ.)
- Tatarkin, A. I. (Ed.). (2003). *Konkurentosposobnost regiona: novye tendentsii i vyzovy [Regional competitiveness: New trends and challenges]*. Ekaterinburg: Publishing house of the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, 208. (In Russ.)
- Thissen, M., van Oort, F., Diodato, D., & Ruijs, A. (2013). *Regional Competitiveness and Smart Specialization in Europe*. Edward Elgar.
- Thyrof, A., Kilbourne, W. E. (2018). Self-enhancement and individual competitiveness as mediators in the materialism/consumer satisfaction relationship. *Journal of Business Research*, 92, 189–196. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.07.023>
- Ukrainsky, V. N. (2018). The regional competitiveness: Methodological reflections. *Voprosy ekonomiki*, 6, 117–132. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-117-132> (In Russ.)
- Untura, G. A. (2002). Region as a centre of nascent competitive advantage. *Region: ekonomika i sociologiya [Region: Economics and Sociology]*, 1, 3–16. (In Russ.)
- Vega de la, S. J. C., Azorin, B. J. D., Segura, C-F. A., Yago, E. M. (2019). A new measure of regional competitiveness. *Applied Economic Analysis*, 27(80), 108–126. <https://doi.org/10.1108/AEA-07-2019-0010>
- Yakimova, V. A., & Khmura, S. V. (2022). Determinants of Investment Attraction to Economic Growth Points of the Russian Far East. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*, 18(3), 943–959. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22> (In Russ.)
- Yasin, E., & Yakovlev, A. (2004). *Konkurentosposobnost i modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki: nachalo proekta [Competitive Capacity and Modernization of the Russian Economy]*. For the 5th International Scientific Conference “Competitiveness and Modernization of the Economy” April 6–8, 2004. Moscow: HSE, 49. (In Russ.)

Информация об авторе

Тарануха Юрий Васильевич — профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; <https://orcid.org/0000-0002-7578-874X>; ResearcherID: N-1417-2013 (Российская Федерация, 199991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 46; e-mail: Yu.taranukha@mail.ru).

About the author

Yury V. Taranukha — Professor, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; <https://orcid.org/0000-0002-7578-874X>; Researcher ID: N-1417-2013 (1/46, Leninskie Gory, Moscow, 199991, Russian Federation; e-mail: Yu.taranukha@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 03.12.2022.

Прошла рецензирование: 03.04.2023.

Принято решение о публикации: 21.12.2023.

Received: 03 Dec 2022.

Reviewed: 03 Apr 2023.

Accepted: 21 Dec 2023.